

ДОРОТЕЯ
АНГЕРМАН

ПЬЕСА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
Л. МИКУЛИНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ангерман — пастор.
Клера — его вторая жена.
Доротея — дочь от первого брака.
Грудной младенец — ребенок от второго брака.
Губерт Пфаншмидт — коммерсант.
Леонора — его жена.
Готгольд — старший сын.
Гелда }
Агата } младшие дети.
Эрна }
Доктор Герберт Пфаншмидт — брат Губерта,
германист.
Марио Маллонек — повар.
Фрау Реннер — экономка.
Фрици Дрёге.
Анна-Лиза Ган.
Фрау Лейнефельдер.
Доктор Вейс — историк искусства.
Мистер Леман — американский полисмен.
Субъект.
Молоденькая служанка.
Прачки.

События пьесы происходят в 90-е годы прошлого столетия. Первое действие — на курорте Борнвизе, второе — в Лигнице, третье и четвертое — в Меридене (Соединенные Штаты), пятое — на даче под Гамбургом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Происходит в Борнвизе, на силезских водах. Так называемая буфетная в гостинице «Черный орел». Почти в половину задней стены — окно, которое в данный момент раскрыто. На уровне головы его пересекает железная штанга. Она предназначена для запираания массивных ставней в ночное время. За окном видна земля под сад со столбами и веревками для просушки белья и т. п.; в окно легко влезть через низкий подоконник. В левой и правой стене по двери. Одна ведет наверх в хозяйственные помещения, другая — вниз, в обеденные залы. Комната оклеена скверными серыми обоями, местами они обвисли. На столе лежат стопки свежевystиранных салфеток. Рядом, на полу, грязное столовое белье, завязанное в простыню. Буфет с проломанной деревянной решеткой, за ней бутылки бордо.

В стороне старенькая обитая клеенкой софа.

Посередине у круглого стола сидят три хорошенькие девушки в кухонных фартуках и маленькая, несколько сгорбленная женщина: Доротея Ангерман, Фрици Дрёге, Анна-Лиза Ган, фрау Реннер.

Прекрасный сентябрьский день, около трех часов. Женщины копаются в остатках от обеда, каждая принесла их себе по тарелке. Вид у всех затравленный, невеселый, настроение подавленное. Они зевают и потягиваются.

Фрау Реннер. Не могу я больше! Устала я, ослабела, обессилела!

Фрици. Эх! *(Отодвигает тарелку.)* Отвыкла я как-то есть. Слишком много видишь за кулисами. Но скоро я снова стану человеком! Через две недели опять пойду гулять по Юнгфернштигу.

Анна-Лиза. Я возвращаюсь домой с таким чувством, будто мне стукнуло семьдесят — семьдесят один год. Правую руку ошпарила от локтя до кисти. На большом пальце ножевой шрам. Чуть перемена погоды, зу-

дит — просто с ума сойдешь. В подбородок муха укусила. На волосок была от смерти. В язык пчела ужалила. А шеф-повар и говорит: «Не будешь ротозейничать!» Ух, как я тогда плюнула. Ну и плюнула! Слава богу, дорогие, что все скоро обошлось.

Фрици. Первые две недели в Гамбурге я ничего не буду делать, только отсыпаться. И горе, слышите вы, горе поварской книге, попадись она мне под руку!

Фрау Реннер. Вам-то хорошо! А я из огня да в полымя. К больному мужу. И жрет же он, как молотилка. Вот всю неделю и ломай себе голову, чем насытить его утробу.

Фрици. А ты? Какие у тебя планы, любезная Доротея?

Фрау Реннер *(так как Доротея не отвечает)*. Это и так ясно. Опять замечталась.

Доротея. Вы мне что-то сказали, фрау Реннер?

Фрау Реннер. Да вот тут девушки спрашивали, что с вами будет, когда закроется сезон.

Доротея. Что со мной будет? Сама не знаю.

Девушки и фрау Реннер от души смеются.

Фрау Реннер. Что вы расходились, девушки? Ну что здесь особого?

Доротея. Не обижайтесь на меня, Анна-Лиза! — Фрици, не обижайся на меня, пожалуйста. От долгого стояния у плиты просто голова кругом идет.

Фрау Реннер. Папенька ваш сегодня уезжает, вот вам и грустно.

Доротея. Ничего, фрау Реннер, не беспокойтесь. Я чувствую себя хорошо. Только немного устала.

Фрау Реннер. Вот-вот — то устала, то голова болит. Посмотрим, кто станет владелицей «Черного орла».

Доротея. Не говорите, пожалуйста, глупостей!

Фрици. Пока что она любимица шеф-повара. Он то и дело говорит, что у нее больше способностей к поварскому делу, чем у всех нас вместе взятых.

Анна-Лиза. Владелица — это еще не хозяйка. Почему бы и не уважаемая приват-доцентша?

Фрау Реннер. Почтение к доктору Пфаншмидту,

сыну хозяина гостиницы! Он ведь скоро будет профессором. Жаль только, он не сумеет взять в руки хозяйство, умри его маменька. «Черный орел» — золотое дно.

Фрици. Чего не сделает Герберт, то, вероятно, делает Губерт.

Фрау Реннер. Губерт в Америке. Европа стала ему тесной. И чтобы он еще раз взял гостиницу в свои руки, этому я не поверю.

Фрици. А кто старше — Герберт или Губерт?

Фрау Реннер. Губерт старше, да и смекалки у него побольше. — Ах, простите меня, ради бога, фрейлейн Доротея!

Доротея. Пожалуйста. Кто из них старше, кто моложе, кто умнее, кто глупее — мне совершенно безразлично.

Анна-Лиза. Герберт и Губерт — Губерт и Герберт, комары, жигалки, слепни, моль, букашки, таракашки, блохи, клопы, кошки, крысы, мыши... (*Отмахивается руками.*) Оставьте меня в покое, с ума сойдешь! Герберт, Губерт, гоп! Мышка попалась!

Что-то щелкнуло; Анна-Лиза бросается в угол комнаты и возвращается с мышеловкой, в которую попалась мышь.

Фрау Реннер. Хорошо, девочки, что сезон кончается и все вы разойдетесь по своим домам. А то не миновать бы вам пляски святого Витта. — Топи мыша! Топи! В кадушку его с водой!

Анна-Лиза исчезает с мышеловкой за дверь. За раскрытым окном издали слышится перебранка. Женский голос горячо протестует, ругается, плачет, кричит; его прерывает мужской. Перебранка приближается и одновременно крепчает. У самого окна, видимо, завязывается драка. В следующее мгновение растрепанная молоденькая служанка вскакивает через низкий подоконник в комнату, бежит к двери налево, распахивает ее и, исчезая, захлопывает. Из окна летит нож и вонзается в дверь. Тут же, ухватившись руками за железную штангу, в комнате появляется повар Марио Маллонек. Это темноглазый, не лишенный привлекательности парень в полотняном костюме шеф-повара, лет двадцати, двадцати пяти.

Марио Маллонек. Стерва проклятая! Ты мне еще попадешься.

Фрау Реннер. О боже мой, пресвятая богородица! Господин Марио!

М а р и о (*замечая присутствующих*). А, вы здесь! Весьма сожалею, милые дамы, если помешал вам. А мне вот не так сладко живется. Другие обедают, а ты вкалывай. Язык высунешь. Душу выблюешь. От жары ополоумеешь, а эта стерва, только отвернешься, возьмет да и выхлебает лимонад у тебя за спиной!

А н н а-Л и з а возвращается.

Ф р а у Р е н н е р (*умиротворяюще*). А вы сделайте себе другой, господин Марио!

М а р и о. Ну да! (*Вытаскивает из двери нож.*) Я вот ей шкуру спущу. Она у меня скорее мочу пить будет, чем на лимонад чужой позарится! (*Видимо, только теперь заметив Доротею, смущенно замолкает, забывает о своем гневе и весело смеется, потом подходит к ней, движениями и голосом подражая голубю, который ухаживает за голубкой.*) Гурруку! Гурруку! Гурруку!

Доротея, с лица которой исчезает первый немой испуг, дает Марио приблизиться и смотрит на него твердым отталкивающим взглядом. Его приплясывание и воркование заставляют ее прыснуть до смеху, который она подавляет, наклонясь над столом.

Еще раз: простите, милые дамы! (*Хохочет и уходит в дверь, за которой скрылась служанка.*)

Ф р а у Р е н н е р. Сейчас он в Эмилию нож бросает, но не будь я Реннер, если сегодня же ночью он не ляжет с ней в постель! Ясно как божий день, почему этого молодчика не держат на работе подолгу. Никто не спокоен за свою жизнь.

Ф р и ц и. Но в «Черном орле» он уже третий сезон.

А н н а-Л и з а. Ах, за лето чего только не делал с нами этот человек!

Ф р а у Р е н н е р. Старуха Пфаншмидт всегда смотрела на это сквозь пальцы, ведь покойный господин Пфаншмидт высоко ценил Маллонека и возлагал на него большие надежды.

А н н а-Л и з а. А чему научились мы от этого мужа?

Все смеются.

Ф р и ц и. Ну, кое-чему он научил нас, Анна-Лиза.

А н н а-Л и з а (*Доротее*). Как-то раз он швырнул омлет-soufflée с малиновой начинкой прямо вам в лицо.

Доротея. Ах, оставьте меня, пожалуйста! Как будто нет больше и разговоров, как об этом шеф-поваре.

Анна-Лиза. Гурруку, гурруку... Что бы это значило?

Фрици. Гм, да ведь наверху, со стороны двора, голубятня.

Фрау Реннер (*многозначительно хихикает*). Ах да, бог ты мой, голубятня! Вот если бы мы понимали голубиный язык! Они бы нам порассказали... голуби-то. Вы когда-нибудь прогуливались там, наверху, по плоским крышам?

Фрици. Все мы там прогуливались, и не однажды. Во-первых, там прохладно, во-вторых, там хранятся всякие продукты.

Фрау Реннер. Ледник, вот еще излюбленное место шефа.

Анна-Лиза. Фу-у! Нет! В противной ледяной дыре, среди вонючих оленей и камбалы — нет, ничего более приятного себе не представляю!

Все смеются.

Фрици. Но, Анна-Лиза, что значит: не представляю?

Дверь, в которую вышел Марио Маллонек, распахивается. Снова появляется шеф-повар. К ужасу женщин, он падает на пол и шествует на руках. Посреди комнаты он встает на ноги и низко раскланивается.

Марио. Pardon! Я только чуточку прогулялся. Лейте, фрау Реннер, лейте на меня помой своей мудрости! Искренне огорчен, если помешал.

Девушки притихли. Вместе с фрау Реннер они приводят в порядок стол.

Фрау Реннер. Я? На вас? Да лить помой?

Марио. Вот именно вы, старая грачиха, вы, старая ворона, вы, старая галка, вы, старая сорока, — а почему бы и нет?

Доротея, которая с мокрой повязкой лежит на софе, безудержно хохочет.

Фрау Реннер. Ворона? Еще что! Да вы никак спятили! Галка? Совсем рехнулись! Сорока! Какая наглость! Что еще там за птица? Осторожней на повороте да мотайте отсюда. А честных женщин оставьте мне в покое, грязь вы кухонная! Уполовник! Горшкодуй и горшкоплюй, вот кто вы!

М а р и о (в самом разгаре ругани фрау Реннер становится в позу певица с мандолиной и звонко поет).

Возможно ль, нежный друг,
Тебя покинуть вдруг.
Безмерно я влюблен,
Ты мне поверь!

Девушки покатываются со смеху.

Доротея. Пощадите! Ох, я больше не могу, я больше не могу!

Фрау Реннер. Поваров я и получше видела бог знает сколько. Но дуралеев таких, петрушек таких — прямо скажу, ни разу!

М а р и о (приплясывая, приближается к ней и, наигрывая на воображаемой мандолине, напевает перед самым ее носом).

Сорока — знают все — воровка,
Старушка Реннерша — плутовка.
Простынок двадцать без изъяна
Ей стоят легкого обмана.

Фрау Реннер. Ах-ах, да вы совсем рехнулись, баран вы эдакий! (*Быстро уходит.*)

Из двери направо входят пастор Ангерман и доктор Пфаншмидт. Пастор — широкоплечий, крепкий мужчина лет сорока трех, полнолицый, с черными несколько колкими глазами и безупречными зубами. Доктор Пфаншмидт — высокий, поджарый, в очках, с бородкой и усами. Вид ученого. опережая обоих мужчин, выскакивает Готгольд Пфаншмидт, разбитной мальчик лет десяти. Пастор и Готгольд со шляпами, пальто и т. д., собираются уходить.

Пастор. Помилуй! Надеюсь, мы не помешали!
А настроеньице здесь на зависть веселое.

Доктор Пфаншмидт. Откровенно говоря, шумновато. В зале слышно каждое слово.

Пастор. Черт возьми! Надо приветствовать, что люди так веселы. Ну просто ноги зудят. Рад вас видеть, господин шеф-повар. Разрешите с вами попрощаться и поблагодарить вас. По вашей милости я прибавил десять фунтов. Но время мое истекло, пора домой. Ах, совсем не заметил, и ты здесь, милая Доротея. Моя благодарность относится и к дочери, господин шеф-повар. Говорят, вы научили ее чудесным вещам.

Марио. Ну что вы, разве этих кухонных дам чему научишь!

Пастор. Ну да, конечно, чтобы готовить у плиты, надо иметь талант. А совершенства в любом искусстве может достичь только мужчина. Вы и сами это знаете, мало ли тому примеров. Смею вас уверить, эти четыре недели я был, пожалуй, самым чутким, самым благодарным вашим клиентом. (*К Фрици и Анне-Лизе.*) Ну, дорогие девушки, как вы тут без меня будете? Не сплошной ли все это был восторг? Наша мазурка, наши уроки музыки, а какие вечера в прелестном маленьком голубом зале, в нашем тесном кругу, с этим бойким санитарным советником Штикельманом, с этим директором Придворного театра, который на своем рояле — настоящий фокусник. А хлебосольное покровительство уважаемой фрау Пфаншмидт (*доктору Пфаншмидту*), вашей маменьки! Четыре недели кряду она просто закармливала меня, баловала и ухаживала за мной как за ребенком. Надолго останется в моей памяти Борнвизе.

Доносится выстрел из мелкокалиберного пистолета.

Кто там хулиганит?

Готгольд. Я только разок стрельнул по мишени.

Доктор Пфаншмидт. Скучно нам будет без вас.

Фрици. Да, господин пастор, что правда, то правда.

Анна-Лиза. Ах, так приятно было на часок-другой избавиться от этого кухонного чада, надеть хорошенькое вечернее платье и думать — ну вот, теперь можно и на людях показаться.

Фрици. Да, это было здорово! Вы как вихрь унесли нас из кухни на эти милые вечера.

Пастор. А что, может, станцуем напоследок?

Фрици. Да что там говорить... Уйдете вы, и сезону крышка, господин пастор!

Пастор. Подойди ко мне, Фрици! Мне приятно это слышать! Позволь старому пастырю поцеловать тебя в лоб! (*Прежде чем поцеловать, Анна-Лизе.*) А потом вас, Анна-Лиза! (*Обнимает Фрици и целует в лоб.*) Все вы добрые, милые люди, я так растроган. Да что поделаешь?! Прощай-прости, печаль разлуки встала на пути!

Фрау Реннер (*входит*). Позвольте и мне, господин пастор, попрощаться с вами.

Пастор (*поет*).

Надолго, долго прощай!

Прощай, мой прелестный ребенок!

Все весело смеются.

Фрау Реннер. И чего тут смешного? Ну, попрощалась я скромненько с его преподобием господином пастором.

Марио. Да-а, при появлении фрау Реннер бельевому шкафу не до смеха. (*Выскакивает в окно.*)

Пастор. Ну и комик этот Марио! Удивительный парень!

Фрици и Анна-Лиза. Еще раз желаем вам счастья и счастливого пути, господин пастор!

Фрици и Анна-Лиза уходят.

Пастор. Не отрывайся от дела, милая Доротея, раз тебя призывает трудовой долг! Мы скоро увидимся.

Отец холодно целует Доротею в лоб. Она спокойно удаляется.

Готгольд (*снова стреляет*). Уж на этот раз в самую точку! (*Выскакивает в окно.*)

Пастор. У мальчика отличные способности. И меня несколько утешает лишь то обстоятельство, что у вашей матушки за ее гостеприимство я смогу взять, так сказать, реванш хотя бы воспитанием ее внука. Да и у вас, дяди этого подающего большие надежды паренька.

Доктор Пфаншмидт. За него в первую очередь и за моего брата, его почти пропавшего без вести отца, вы заслуживаете воздаяния от бога.

Пастор. Ваш брат Губерт обитает, собственно... где?

Доктор Пфаншмидт. Губерт поселился где-то близ Нью-Йорка.

Пастор. Произошел какой-нибудь конфликт?

Доктор Пфаншмидт. Отец мой не одобрял деловых затей брата, и тем более когда они провалились.

Пастор. Отцы и дети — старая песня, доктор... Между прочим, в этом помещении я впервые.

Доктор Пфаншмидт. Здесь своеобразно, не правда ли? Только не очень приветливо. Это так называемая буфетная. Подобные уголки есть в каждом ресторане. Они столь же невзрачны, как, должно быть, необходимы.

Пастор. Кто там играет на мандолине, господин доктор?

Доктор Пфаншмидт. Да все тот же затейник, шеф-повар. Поскорей бы он оставил наш дом!

Пастор. Но своей кухней он мог бы щегольнуть и в Париже.

Доктор Пфаншмидт. С ней вы можете не расставаться. На зиму Маллонек уезжает в Лигниц. Там он служит недалеко от вашей квартиры, в Губиш-отеле.

Пастор. *Nes plus ultra*: лучше и быть не может! — Готгольд! — Ну все, нам пора!

Готгольд (*вбегает*). Как жаль! — Прощай, дядя Герберт! (*Бросается Герберту на шею.*)

Пастор. Итак, я снова беру этого мальчугана в свой дом, под свое крыло, и отвечаю за него своей жизнью. Так и передайте вашей почтенной матушке. «Вперед на бой, тореро!»

Пастор, Готгольд и доктор Пфаншмидт удаляются. Через окно с мандолиной в руке влезает Марио. Вплотную подходит к двери, за которой скрылись пастор Ангерман и другие.

Марио. Так вы говорите, Реннер, этот пастор — как сыр в масле, а?

Фрау Реннер. Вот именно, это я и хотела сказать. Бог ты мой, да он здесь целый месяц жрал и пил в три горла! Фрау Пфаншмидт просто глупа. Я бы давно выставила его за дверь.

Марио (*наигрывая на мандолине*). Да и Доротей ни гроша не платит.

Фрау Реннер. Для нас только честь, что пасторская дочка с нами.

Марио. А мне что перепадает от ее присутствия? Я имею в виду старика: с ним я бы не хотел иметь дело. У этого типа безупречные челюсти. Да и кулаки! Слава богу, я не колодник.

Фрау Реннер. Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела, Маллонек.

Марио. Знаете, Реннерша, кто в этом доме больше всех сидит у меня в печенках? Герберт, доктор. Вот уж засел так засел.

Фрау Реннер. Не потому ли, что он женится на Доротее?

Марио. Дура-курица, что вы там мелете? По мне, женись он бог знает на ком! Но что он из себя корчит! А кто он? Наивный простачок!

Фрау Реннер. Да, Губерт был не таким. Ваше счастье, что вы здесь тогда не работали. Он бы спровадил вас на тот свет, Маллонек!

Марио. Такой был непутевый малый?

Фрау Реннер. Одному официанту он так заехал, что тот полчаса замертво лежал.

Марио. Вот это, я понимаю, человек, Реннер. Моя рука, как вам известно, тоже иногда бывает тяжело-вата.

Фрау Реннер. Ну, куда вам до него, Маллонек! (*Уходит.*)

Марио (*играет и поет*). Та-ра-ра-бумди, та-ра-ра-бумди! Та-ра-ра-бумди, та-ра-ра-бумди!

Анна-Лиза (*заглядывает в окно*). Вы здесь, господин Маллонек? Мы вас повсюду ищем, господин Маллонек.

Марио. Та-ра-ра-бумди, та-ра-ра-бумди, та-ра-ра-бумди!

Анна-Лиза. Пришла компания в восемнадцать персон и хочет перекусить.

Марио. Ну и что же? Наскребите там чего-нибудь. Та-ра-ра-бумди!

Анна-Лиза. На кухне мадам, она спрашивает вас, господин Маллонек.

Марио. Пусть она меня по... поищет на Темпельгофском поле. Та-ра-ра-бумди! И вы, если хотите, тоже. Та-ра-ра-бумди! *(Осторожно подходит к двери в хозяйственные помещения и, услышав голос доктора Пфаншмидта, внезапно прерывает игру и пение.)* Погодите, и я с вами. *(Исчезает за окном.)*

Доктор Пфаншмидт и Доротея входят в дверь, у которой только что стоял Марио.

Доктор Пфаншмидт. Ваш отец уехал. И вам снова придется довольствоваться только нами. Между прочим, моя матушка приглашает вас прокатиться сегодня под вечер.

Доротея. Фрау Пфаншмидт всегда так любезна ко мне. Не подбадривайте меня, не надо. Поверьте, мне совсем безразлично, здесь мой отец или нет.

Доктор Пфаншмидт. Такая цельная натура, как ваш отец, бесценна!

Доротея. Может быть, он и цельная натура. Но тогда почему он сделался пастором?

Доктор Пфаншмидт. Лютер тоже был цельной натурой.

Доротея. Потому отец и не Лютер. Я думаю, эта профессия не для него. Он и сам это знает, я уверена.

Доктор Пфаншмидт. Какие у вас планы по окончании поварского курса, фрейлейн Доротея?

Доротея. Во всяком случае, дома я не останусь ни на секунду, как только найду работу.

Доктор Пфаншмидт. Какое место вас бы устроило?

Доротея. Экономки, бонны, кухарки, на худой конец — служанки.

Доктор Пфаншмидт. В голосе у вас отчаяние, фрейлейн Доротея. Но для такого шага у вас нет, по моему, никакого основания.

Доротея. Стать самостоятельной — вот главное. Ни от кого не зависеть, ни перед кем не отчитываться за каждый свой шаг. А впрочем, какая разница, живешь ты внутри тюрьмы или рядом с ней.

Доктор Пфаншмидт. Возможно. Но почему же — служанкой? Мне, откровенно говоря, больно видеть вас здесь, в этой харчевне, где вам приходится наблюдать, слышать и терпеть столько мерзостей. Вы кажется мне слишком хорошей для этого.

Доротея. Быть и казаться — разные вещи.

Доктор Пфаншмидт. Нет, вы сами от этого страдаете.

Доротея. Уж не потому ли, что я разок-другой всплакнула у вашей матери! На меня порой находит такое. Вспомнишь свою покойную мать, вспомнишь сестер, которых пришлось воспитывать, и становится как-то грустно и жаль самое себя. Вот и все. Это пройдет.

Звон мандолины в саду приближается. У самого окна слышится воркование Марио. Доротею душит внутренний смех, который она пытается подавить. Он прорывается в сердечной, но несколько истерической форме.

Простите меня за нелепое поведение! Не знаю, чем и оправдать этот глупый смех! Просто экзальтация.

Воркование и смех повторяются.

Доктор Пфаншмидт. Смейтесь, смейтесь, фрейлейн Доротея! Почему бы и не посмеяться. Но я нахожу, что это бренчание и воркование просто мерзки. (В окно.) Простите, не будете ли вы так любезны подыскать для своих музыкальных упражнений другое место, господин шеф-повар?

Марио (*появляется в пролете окна, нагло и равнодушно*). Вы не любите музыки, господин доктор?

Доктор Пфаншмидт. Tout à son heure, как сказал мудрец. Вы, наверно, не понимаете по-французски?! Все в свое время, вот что это означает.

Марио. О, пожалуйста, veefsteak è la tatare: здесь сразу на двух языках.

Доротею душит подавленный смех. Марио скрывается.

Доктор Пфаншмидт. Beefsteak à la tatare? Иногда этот человек кажется идиотом!

Доротея. Лучше всего не обращать на него внимания, господин доктор.

Доктор Пфаншмидт. Мне просто не по себе, когда я подумаю, что этот тип целое лето был своего рода начальником над вами.

Доротея. У него есть и свои хорошие стороны.

Доктор Пфаншмидт. Конечно, не без этого. Покойный отец был того же мнения. Когда ему говорили, что этот Маллонек темная личность и неизвестен полиции, он отвечал: а меня интересует только одно — умеет ли он хорошо готовить.

Доротея. Но, может, это просто сплетня?

Доктор Пфаншмидт. Нет, не думаю. Некоторые вещи можно увидеть за сто шагов по глазам, по его грязному и нахальному взгляду, так сказать. Маллонек здесь, Маллонек там! Но меня интересует совсем другое, милая Доротея; поэтому я, собственно говоря, и воспользовался случаем побыть с вами наедине.

Доротея. Только разрешите мне при этом штопать. *(Достает все необходимое из ящичка стола и принимается за штопку салфеток.)*

Доктор Пфаншмидт. Штопайте себе на здоровье, только слушайте меня серьезно. Последнее время мне все не удавалось добиться от вас этого.

Доротея усердно работает иглой и не отвечает.

Я, как вам известно, человек иного склада и не имею ничего общего с ресторанным делом, даже напротив — меня здесь все отталкивает. Пока что я занимаю скромное место библиотекаря в городской библиотеке Бреслауля. По профессии я германист. Мы, как видно из самого названия, занимаемся всем, что связано с Германией, иными словами — изучаем ее. Зимой я начну читать курс об Адаме Пушмане. Это большой поэт, уроженец Герлица, ученик и друг нашего дорогого Ганса Закса из Нюрнберга. Я буду очень рад, если на мой курс придет более пяти слушателей. Ну, а если меньше, меня и это не смутит. Ибо — в дальнейшем я постараюсь вам

объяснить подробнее — моя наука прекраснее, глубже, великолепнее всего. Она приносит мне огромное счастье.

Доротея. Могу себе это представить, господин доктор.

Доктор Пфаншмидт. Знаю. Немецкая девушка, подобная вам, не может оставаться равнодушной к удивительной задушевности и внутренней красоте всего немецкого. Почему бы мне не сказать вам этого, Доротея? Часто мне кажется, что из ваших темных глаз, то веселых, то печальных, смотрит на меня неисповедимая мистерия немецкой души со всеми ее страданиями и восторгами, энергией и пассивностью. Так вот, если это в самом деле так, вообразите, какое значение имело бы для меня, скромного ученого, чудесное сияние этих милых немецких глаз где-то совсем рядом, надо мной и моей работой. Я стал бы тайным обладателем бесценного сокровища, какого нет ни у кого из моих коллег! Ужели не припал бы я тогда, раньше источников литературных, к моему живому неиссякаемому источнику? Доротея, милая Доротея...

Доротея (*оставив штопку, опускает голову на крышку стола и всхлипывает. Он робко гладит ее по скромно причесанной голове. Она берет себя в руки и снова принимается за работу*). Я потрясена, милый господин доктор!

Доктор Пфаншмидт. Меня зовут Герберт, милая Доротея.

Доротея. Да, конечно... Вы очень милый, очень любезный, очень милый и благородный человек, Герберт...

Доктор Пфаншмидт. Но?

Доротея. Никаких «но».

Доктор Пфаншмидт. И все-таки (*с грустью*) я чувствую, что здесь кроется какое-то «но». Что ж! Да и у меня, как ни печально, тоже есть «но». Мои доходы не настолько велики, чтобы сегодня помышлять о завтрашней женитьбе. Более того — они постыдно малы. И прежде чем я решусь на этот шаг, столь ответственный за судьбу человека, и выражу свое предложение в желаемо ясной и определенной форме, должны

произойти два события. Оба они в пределах возможного. Мне предстоит получить звание профессора. Министр просвещения и культов, по всей вероятности, даст свое согласие. Об этом вы узнаете, как только это произойдет. Другое событие — печальнее. Оно касается нашего старшего библиотекаря. Он болен и давно поговаривает об отставке. Когда это произойдет и если не обманут надежды, я стану его преемником по должности. И вот тогда, Доротея, у меня больше не будет никаких «но»; тогда я смогу создать вам более или менее обеспеченное существование, жизненный уровень, достойный вас.

Доротея. Вы думаете, что я поставлю вам такие условия?

Доктор Пфаншмидт. Ваш отец сказал, что по этой причине вы отказали двум порядочным людям.

Доротея. Отказала я вовсе не потому...

Доктор Пфаншмидт. Ну хотя бы одно слово, хоть малейший намек — могу ли я питать надежду на лучшее?

Доротея (*откровенно и просто*): Конечно! Не только намек... Я не желала бы себе лучшего спутника жизни...

Доктор Пфаншмидт. Но...

Доротея. Никаких «но». У меня нет «но», разве только то, что вы слишком превозносите меня и считаете лучшей, чем я на самом деле.

Доктор Пфаншмидт. О, за это я охотно понесу кару. (*Оба сидели у стола, он поднимается.*) Я не хочу вас больше тревожить, Доротея. Во всяком случае, на душе у меня так тепло, так тепло и радостно — и все после того, что вы мне сейчас сказали. Ни слова больше. Я вижу, как пред алтарем соединяют наши руки... Ну ладно, поеду в Бреславль, в свою библиотеку, и уж не сердитесь, если я разок-другой навещу вас в Лигнице. Еще капельку терпения, капельку трудовых усилий! (*По-рыцарски целует ей руку, раскладывается и уходит.*)

Доротея (*остается одна. Пристально глядит ему вслед. Встает и долго задумчиво смотрит на стол. По-*

Том поднимает руки и, скрестив их у затылка, устремляет взгляд к небу. Глубоко и скорбно вздыхает. Глаза ее полны слез). О-о-о! Бедная Доротея! Бедная Доротея!

Марио (вскакивает в окно). Ну что, кончили воркование?

Доротея, возмущенная, делает шаг к нему. Он нагло хохочет.

Доротея (слабеет, опускается на стул, прячет лицо. Тело ее содрогается от бессильного плача). Стыдитесь, вы, негодный вы человек!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лигниц. Казенная квартира пастора Ангермана. Рабочий кабинет пастора. Справа книжные полки во всю стену. В глубине дверь в гостиную. Она закрыта. Слева широкое окно с подоконником, заставленным цветами. Декабрь. Около двух часов пополудни. Светит яркое зимнее солнце.

На шезлонге сидит арестант Вейс и, читая, катает взад и вперед новенькую детскую коляску, где спит грудной младенец. Вейс — мужчина средних лет, носит роговые очки. В столовой еще сидят за столом. Там оживленно и весело. Через дверь в стене налево, выходящую в так называемую *entrée*¹, появляется Доротея, в домашней рабочей одежде.

Доротея. Он не просыпался, Вейс? (*Подходит к детской коляске.*)

Вейс. Нет.

Доротея. Я и то удивляюсь — такой шум совсем рядом.

Вейс. Но вы-то не шумите.

Доротея. Быть может. Просто я не громче других.

Вейс. Тихий, тихий вы омут, фрейлейн Доротея.

Доротея (*скорбно улыбаясь*). Прозрачный или непрозрачный?

Вейс. По крайней мере сейчас взбаламученный, фрейлейн Доротея.

Доротея. И все-таки вам кажется, что вы видите в свои огромные, как совиные глаза, очки до самого дна.

---

¹ Прихожая, передняя. (*Франц.*)

Вейс. Нет, но кое-что я в состоянии прочесть по лбу и уголкам губ.

Доротея. Читайте вслух! Может, для кого и полезно.

Вейс. Да разве вы послушаетесь совета какого-то арестанта, фрейлейн Доротея!

Доротея. Вы же знаете, это меня не касается.

Вейс. Кое-кто весел и даже между делом винцо попивает. Ведь из Бреславля приехал почтенный господин Пфаншмидт, впервые в звании профессора. От всего, что приближается, ваш папенька на седьмом небе. Вы же отнюдь нет, фрейлейн Доротея.

Доротея. Ну, а если и так — что, собственно, как раз наоборот, — как бы вы это скрыли?

Вейс. Глубоким, гробовым молчанием!

Доротея (*краснеет*). Мне скрывать нечего.

Вейс. Положим! Пятнадцатого февраля истекает срок моего заключения. Это примерно месяца через два. Я единственный сын своей матери. Вы знаете, она вдова и имеет состояние. Через два дня после освобождения я, снова доктор Вейс, буду на пути к друзьям и родным в Америку. Если б вы читали в моем сердце, фрейлейн Доротея, как я читаю вашу судьбу, вы бы без единого колебания воспользовались этим выходом.

Доротея (*краснеет еще сильнее*). Выходом? А зачем мне выход?

Вейс (*твердо*). Всякий другой, поверьте, хуже.

Доротея. Вы никак хотите на мне жениться?

Вейс. Во всяком случае, со мной вы не пропадете!

Доротея (*пристально смотрит на него*). Хотела бы я знать, отчего один человек может вызвать в другом, чей путь тоже не усеян розами, такое сострадание?

Входят пастор Ангерман и доктор Пфаншмидт.

Пастор (*громко и весело*). Помилуй! Быть мертвецом после этого чудовищного процесса, что ведется в уголовном суде! Однако к чертям все это! К чертям политику! Вейс, залезь-ка на горку, достань сигары!

Вейс лезет на горку и выполняет приказание.

Вейс весьма полезен для дома. В побеге не подозревается, его двухгодичный срок со дня на день истекает. Как вам известно, мы здесь пристроены к стене тюремного двора. (*Берет коробку сигар.*) Спасибо, Вейс! А теперь можешь увезти отсюда коляску.

Доротея (*Вейсу*). Спасибо-спасибо, это я сделаю сама.

Младенец заливается плачем.

Входит хорошенькая девятнадцатилетняя пасторша.

Пастор. Милая Клера, ты слышишь, пора. Повелитель дома желает пить. Выполняй свой долг! Мы тоже в свое время не напрасно требовали материнскую грудь.

Пасторша (*краснеет до ушей, запинается*). Но, дорогой... что ты... что ты говоришь, дорогой Пауль?!

Пастор. Ну, ты же не отрицаешь два своих молочных источника?! Не мучным же супом вскормила Спасителя мать Мария.

Молодая пасторша качает головой. Она, Вейс и Доротея увезят крикуна. Пастор и доктор Пфаншмидт одни.

Такой радости давно у меня не было. Стоит отпраздновать. Звание профессора — ведь это целый период в жизни. Опрокинем еще по одной рюмке и в безмятежности душевной выкурим по гаванне! Этот ящичек — бесценный дар одного славного христианина, я крестил у него сынишку.

Ликер налит, сигары зажжены. Господа уселись на удобные стулья. Доктор Пфаншмидт очень бледен, проявляет признаки волнения, давится дымом, кашляет.

(*После продолжительной паузы.*) Давайте немного расстегнем жилеты. Кенигсбергские биточки с давних пор мое любимое кушанье. Но ведь я же не *boa constictor*, который безнаказанно заглатывает живого быка и переваривает. (*После повторного молчания.*) Да, этот самый Вейс, этот арестант, которого вы здесь видели, подделал вексель. Без всякой необходимости подделал вексель: подписал под ним имя своего богатого шурина. Сказал бы хоть словцо ему или своей со-

стоятельной матери... Умный человек, доктор, историк искусства, а делает чудовищную глупость! Но, кажется, доктор, вы хотели переговорить со мной с глазу на глаз. Ваше здоровье! (*Выпивает ликер.*) Запросто! Я весь внимание.

Доктор Пфаншмидт. Я прошу руки вашей дочери Доротей.

Пастор (*после короткой паузы*). Это для меня не новость, милый доктор!

Доктор Пфаншмидт. Да, это не может быть для вас новостью. Как странно и с виду случайно соприкасаются и переплетаются судьбы. Ну что еще об этом сказать? Я познакомился с вами и с вашей дочерью случайно. Доротей привлекла меня с первого взгляда. Несколько позже, в доме своего отца, я узнал, оценил, полюбил ее чистую, золотую душу. Я хранил это в тайне. Я хотел сначала как бы заслужить это сокровище. И вот я поставил себе целью добиться определенной академической степени и звания, чтобы этим — я поступил так из некоего этического своеобразия! — чтобы этим, согласно моим понятиям, стать более достойным ее. Быть может, господин пастор, я старомоден, я... Одним словом, то, чего мне хотелось, сегодня достигнуто.

Готгольд, с учебниками под мышкой, ураганом врывается в дверь.

Пастор. Чего тебе, Готгольд?

Готгольд. Я на урок, господин пастор.

Пастор. Как, Готгольд, который же час?

Готгольд. Половина третьего. Вы сами назначили это время для латыни.

Пастор. Верно. Тогда я тебе вот что скажу: оставь-ка сегодня свой ранец и мигом — на каток!

Готгольд. Ах спасибо, спасибо, господин пастор! (*Быстро убегает.*)

Пастор. А ведь, по существу, свел-то нас он, этот живой мальчуган. Мне пришло это в голову после ваших слов о воле случая: всемогущим назвал его великий король прусский. В одном парке я сидел за кружкой пива, и мальчик бросился мне в глаза. Он был с

вашим отцом. Место нашлось за тем же столиком, и для нас не составило труда подружиться. Ваш отец очень любил паренька.

Доктор Пфаншмидт. Да, потому что он любил моего без вести пропавшего брата больше меня.

Пастор. Однако вернемся к нашим баранам. Доротея далеко не ангел. Во всяком случае, неплохо вам заранее узнать, каких, скажем мягко, странностей вы можете от нее ожидать.

Доктор Пфаншмидт. Это женщина, которая мне нужна, господин пастор. В этом я сознательно себя... в этом я снова и снова себя проверил. Она — та женщина, которую я всегда искал. Во всем свете для меня существует только эта женщина.

Пастор (*поднимается*). Все это вам кажется... Но куда ни шло... Мне остается только спросить, согласна ли Доротея?

Доктор Пфаншмидт. Слава богу! Согласна.

Пастор. Тем самым мой излишний вопрос снимается как довольно глупый и неуместный. И если ты, мой любезный сын, полагал, что я долго буду чиниться стать твоим отцом или, по роду своей профессии тюремного священника, устрою тебе мучительный инквизиторский допрос: «Можешь ли ты принести счастье моей дочери?» — ты ошибаешься. Я не желаю себе лучшего зятя!

Мужчины обнимаются и целуются.

Так, ну, выпьем еще по одной. (*Его рука, наливая миксер, дрожит, он тщетно пытается побороть волнение.*)

Молча пьют и крепко, растроганно пожимают друг другу руки.

Item¹. И это миновало. Хотя я ввиду тяжелого положения, которое проистекает из моего второго брака, и не желал бы возвращения моей первой любимой блаженной памяти супруги, все же мне хочется, чтоб и она взглянула на землю и вместе со мной порадовалась счастью своей дочери! О, как она любила Доро-

---

¹ Ну вот! (*Лат.*)

тею. Ну, так я пришлю к тебе твою девочку. *(Чтобы сделать это, а может быть, чтобы совладать со своим волнением, уходит.)*

Доктор Пфаншмидт делает вслед пастору легкое, нервное движение и, оставшись один, взволнованно ходит взад и вперед. Когда же через некоторое время никто не приходит, он останавливается и прислушивается. Потом снова ходит. Волнение его столь велико, что он вытирает со лба пот. И так как все еще никого нет, он подходит к окну и выстукивает по стеклу. Тихо и незаметно для доктора Пфаншмидта входит Доротея и останавливается, ничем не проявляя своего присутствия. В комнате гаснут сумерки. Зимнее солнце на закате.

Доктор Пфаншмидт *(оборачивается и при виде Доротеи вздрагивает)*. Доротея!

Доротея смотрит на свои руки, сложенные словно для молитвы, и не отвечает.

(Протягивая к ней руки, повторяет.) Доротея!

Но снова не получает ответа.

(Восклицает еще раз с легким испугом и удивлением в тоне.) Доротея?!

Доротея *(очень тихо и твердо)*. Я просила вас, дорогой Герберт... я вас так настоятельно просила подождать с тем, что вы, наверно, уже сделали; иначе отец не прислал бы меня к вам.

Доктор Пфаншмидт *(с внутренним волнением)*. Я сделал то, что должно было свершиться, милая Доротея. Я сделал это сознательно, будучи убежден, что ваши колебания не от недостатка любви ко мне, а скорее причуда малодушия, недостаток веры в себя. Я люблю вас, милая, милая Доротея! И вследствие этой любви, милая, милая, милая Доротея, я не хочу больше терять времени, не хочу больше видеть вас в кухне гостиницы, беззащитной перед всякими омерзительными дуновениями и прикосновениями. Я люблю вас, и вы меня любите: мое сознание, мое чувство ответственности не в состоянии дольше предоставлять вас самой себе, вашим губительным размышлениям. Любовь, любовь моя не допустит этого! Вы мое сокро-

вище, вы понимаете? Я должен возложить руку на свое сокровище, если хочу наконец обрести покой! В противном случае, так или иначе, не исключена опасность утраты. Я просто жажду безраздельно владеть вами; но еще важнее для меня служить вам всеми своими силами, принадлежать вам как собственность.

Доротея (*пристально смотрела на говорящего, потом медленно проходит мимо него к окну и глядит во двор*). Все, что ни случается с нами — раньше, теперь, потом, — не обойти. В конечном счете остается лишь одно — хоть ненадолго задержать приход неизбежного.

Доктор Пфаншмидт. Нет! И с этим покончено! Доротея — мой вопрос лишь про форма¹, — вы все еще сомневаетесь в своей склонности ко мне?

Доротея. Нет, Герберт, в этом я не сомневаюсь.

Доктор Пфаншмидт. Свою судьбу связать на всю жизнь с моей — не в этом ли еще вы сомневаетесь?

Доротея. Да, в этом я тоже ничуть не сомневаюсь.

Доктор Пфаншмидт. Ну так что ж вы колеблетесь? Или вернее — что за причина понапрасну пугать меня, нас обоих, нас всех?

Доротея. Герберт, коснитесь-ка моей руки!

Доктор Пфаншмидт. Боже, что с вами?

Доротея. Что со мной и что со мной будет? Но, раз уж вы заговорили об испуге, — я и сама не нахожу себе места, так терзают меня два эти вопроса!

Доктор Пфаншмидт. Доротея, опять ты говоришь свои излюбленные слова, такие загадочные и непонятные. Но теперь меня не проведешь. Все страхи преодолены. Ты — моя! Ты — моя! И никому другому, кто бы он ни был, я не отдам тебя! (*Прижимает ее к себе.*)

Доротея тоже охвачена страстью, они соединяются в поцелуе. Долгое молчание. Потом Доротея высвобождается и идет к двери.

Доротея. А теперь пускай свершится веление судьбы.

---

¹ Ради формы, для вида. (*Лат.*)

Доктор Пфаншмидт. Что ты опять говоришь, Доротея?

Доротея. У меня кружится голова. Скажу тебе лишь одно: ты неверно меня понял.

Доктор Пфаншмидт. В чем же я неверно тебя понял?

Доротея (*медленно и четко*). В том, что я люблю тебя, я не сомневаюсь, здесь ты меня понял правильно. Но ты неверно понял, будто я свяжу свою жизнь с твоей. Это невозможно, ни за что на свете... И в этом, Герберт, у меня сомнений быть не может.

Доктор Пфаншмидт. Доротея! Но, Доротея...

Доротея уходит. Доктор Пфаншмидт мгновение стоит и неподвижно смотрит на дверь, за которой исчезла Доротея. Потом хватается вокруг себя воздух, ища опоры. Колени его слабеют, подкашиваются, и он медленно опускается на пол. С ним обморок. Снова входит пастор Ангерман, крайне веселый.

Пастор. Помилуй! Какая египетская тьма! Дети! Герберт! Вы еще здесь? Эрот сменил сцену. А ну-ка, рассеем мрак хоть немного. (*Зажигает кабинетную лампу и при ее свете тотчас замечает лежащего в обмороке.*) О небо! Доктор, что с вами? (*Опускается на колени, расстегивает лежащему жилет, ощупывает ему лоб.*) Вы больны? Боже мой, что с вами, доктор? Вам не на пользу гаванна? Что вы за комедию разыгрываете, доктор?

Доктор Пфаншмидт (*приходя в себя*). Ах, оставьте меня, ради бога! Ничего особенного!

Пастор (*волочит слабо протестующего доктора на диван*). Нет, ни в коем случае не отпущу. Вы были взволнованы, вы были взволнованы до глубины души, вот сердечко и не выдержало.

Доктор Пфаншмидт. Господин пастор, покорнейше прошу вас: отпустите меня... если я не выйду на воздух, я задохнусь!

Пастор. Ради бога, друг, скажите, что тут произошло? Вы хотите на воздух? Хотите выйти на зимний холод без шляпы, без кашне, без пальто?

Доктор Пфаншмидт. Убедительно, настоятельно прошу вас, господин пастор, дайте мне все, что

нужно! Я не знаю, где мои вещи. Я не найду своих вещей, даже если бы это спасло меня от смерти.

Пастор. Образумьтесь, доктор! Успокойтесь, возьмите себя в руки хоть на миг!

Доктор Пфаншмидт. Вы не должны меня дольше задерживать, если не хотите, чтобы я выбросился из окна — и я это сделаю, даю вам честное слово! — на тюремный двор.

Пастор (*отчужденно*). Да, понятное дело, этого я не хочу.

Доктор Пфаншмидт. Я хорошо понимаю, что нарушаю правила приличия. Но что ж я могу поделать, если больше собой не владею?!

Пастор (*нажав кнопку звонка, совершенно иным тоном*). Я уже позвонил горничной.

Доктор Пфаншмидт. Я чувствую, что мое поведение может показаться непростительным.

Пастор. Ни слова более! Я не знаю, что тут произошло. Но вы должны знать, что делаете.

Доктор Пфаншмидт. Бог свидетель, не знаю... (*Кидается вон, захлопывает за собой дверь.*)

Затем слышно, как защелкивается замок стеклянной двери в передней. Пастор ударяет себя ладонью по лбу, словно желая пробудиться. Молодая пасторша заглядывает, а потом входит в комнату.

Пасторша. Ты звонил; Паулина ушла за покупками.

Пастор. Есть у тебя хоть малейшее представление о том, что здесь только что произошло?

Пасторша. Как, дорогой, что произошло?

Пастор. Тогда и ты мне не скажешь, была ли здесь Доротей и где она теперь?

Пасторша. Она заперлась в своей комнате.

Пастор. Ты слышала, как хлопнули двери? Известно ли тебе, что Пфаншмидт без шляпы, без палки и пальто в припадке иступления бежал отсюда, бежал из моего дома, где мы только что провели приятнейшие часы? А Доротей заперлась? Что она, дурачила этого человека? Водила за нос этого честного человека? А теперь его оттолкнула?

Пасторша. Не знаю. Во всяком случае, состояние Доротеи в эти месяцы, когда она снова живет у нас, меня уже давно беспокоит.

Пастор (*ударяет ладонью по столу так, что предметы взлетают на воздух*). Состояние? Как? Да ниспровергнется небо со всеми его громами и молниями! Удивительно, что же это за состояние! Я хочу знать, что это за состояние. Скажи ей, пусть она тотчас же придет сюда. Пусть придет ко мне и оправдается, пусть скажет, что это за состояние. Ты знаешь, как я нашел доктора? Без сознания, распростертым на полу! У меня еще была надежда, что не Доротея тому причиной, но почему она тогда заперлась?! Здесь таится нечто такое, что мне необходимо узнать! Пойди, Клера, скажи ей, что я хочу знать все! Тут же, не сходя с места, я хочу узнать, какими подлыми уловками она надломила, повергла, нет, просто растоптала этого достойного мужа и человека. Ты слышишь, я кладу часы на стол, — если через пять минут Доротея не предстанет передо мной и комната ее все еще будет заперта, я вышибу дверь каблуком! Вы достаточно знаете меня, чтобы не сомневаться в исполнении подобных угроз. К тому же я настаиваю на своем отцовском праве наказания! Ты все еще здесь, Клера, ты не хочешь идти?

Пасторша. Немыслимо, чтобы ты встретил Доротею в таком гневе. Пауль! Дорогой Пауль, тебе нужно успокоиться. Одно мгновение запальчивости может всех нас повергнуть в пучину неизмеримого горя.

Пастор. Как ты сказала? Ей-богу, час от часу не легче! Послушай: не можешь ли ты выразаться пояснее?!

Пасторша. Пауль, ты говоришь, что мы, женщины, нерелигиозны. Я допускаю, что моя вера и мое благочестие нередко нуждаются в духовной поддержке. Но сегодня я напоминаю тебе, что ты слуга господина, слуга всепрощающего Спасителя. Он взял наши грехи на себя...

Пастор. Не подходи ко мне в такой момент с книжными фразами, дитя мое; они идут у тебя не от сердца. И, право, можешь не совать мне под нос, что

я призван делать как священник и как слуга божий. Будь уверена, я знаю свои обязанности. А теперь отойди в сторону, или...

Пасторша. Ты хочешь, чтобы Доротею нашли на камнях тюремного двора с размозженным черепом? Тогда ступай и барабань в ее дверь!

Пастор. Вы что, все с ума посходили?

Пасторша. Нет, дорогой Пауль, пока еще никто с ума не сошел. Но то, с чем это для нас связано, вызывает серьезные опасения. Хотя ты всегда и называешь меня молодой и неопытной, однако в этом деле я вижу дальше тебя. Мне ясно, что тебе нужно употребить все свое хладнокровие, всю осмотрительность и спокойствие, на какие ты только способен, или нас постигнет нечто ужасное.

Пастор (*взглянув на жену твердо и пронизывающе*). И все это, о чем я в полном неведении — да и теперь я знаю не больше, — разыгралось в моем присутствии, у меня за спиной?

Пасторша. Нет, не в твоем присутствии. Все это разыгралось, как ты выражаешься, в гостинице «Черный орел».

Пастор. Сначала у этого бедняги, у этого бедного Герберта, комната поплыла перед глазами и он без памяти свалился, а теперь, я чувствую, и у меня все начинает идти кругом. Мужество! Хладнокровие! Закурим-ка в полном спокойствии вторую сигару! Насколько мне известно, дочь моя Доротея обучалась варить у повара такого-то и такого-то — как там его зовут? А может, она обучалась в этом обществе и еще кое-каким вещам? Убей меня на месте: я был глуп как новорожденный! Но сколько я ни думаю, мне никак не приходит в голову, чем объяснить образ действий Доротен по отношению к доктору или то, о чем ты говоришь. Говори же! Говори все! Какой сюрприз ждет меня еще, этого просто не предвосхитишь.

Пасторша. С ней произошло; видимо, нечто серьезное и с тяжелыми последствиями. Точнее она ни за что не хочет рассказать.

Пастор. Точнее Доротея не хочет рассказать. Но неточно она хоть что-нибудь тебе рассказала?

Пасторша. Это довольно горько, Пауль, поверь мне.

Пастор. Вот оно что? Тебе остается только сказать: Доротея украла серебряные ложки, или что она дала перед судом ложную присягу.

Пасторша. Суд тут ни при чем. В этом можешь быть спокоен. Но я расскажу тебе правду, Пауль, не раньше, чем ты мне дашь клятвенное обещание действовать спокойно и разумно.

Пастор. Выкладывай же наконец! Вот моя рука!

Пасторша обвивает руками его голову и что-то шепчет ему на ухо.

Ни-че-го не понимаю.

Пасторша снова шепчет.

(Напряженно слушает, глаза его широко открываются, наконец весь содрогается, хватает молодую женщину за локти и отталкивает.) Моя дочь? Как? Моя дочь? Ты говоришь... ты утверждаешь... ты твердо уверена, что это факт?

Пасторша. Честное слово, оспаривать это бесполезно.

Пастор. Моя дочь? Клера, еще раз спрашиваю тебя... Так вот почему этот досточтимый муж сломя голову отряхнул со своих ног прах этого чистого пасторского дома? В голове у меня все переворачивается!

Пасторша *(содрогаясь от плача)*. Нет, о причине своего отказа она ему не сказала. Молю тебя, Пауль, имей жалость к своей дочери! До этого мы были в плохих отношениях, она и я. Теперь же, когда это обрушилось, когда она попала в такое положение... Я сама женщина, у меня самой малыш в пеленках. Где ей искать помощи? Она не знает. Я — мать. Если я оттолкну ее, меня замучает мысль, что это обернется против моего родного ребенка.

Пастор. Так она не сказала ему о настоящей причине? Значит, ребенок не от него?

Пасторша. Нет. При образе жизни доктора Пфаншмидта это совершенно исключается.

Пастор *(возбужденно ходит взад и вперед)*. Хо-

рошенькое дельце! Так вот каким сначала непонятным мне решением господь бог указал на ничтожность моего морального высокомерия, моей семейной гордости. Что теперь будет? Двери настежь! Пинок! Вон, подлюга! В сточную канаву, там тебе место! Вон из дому, и прощай навсегда!

Пасторша. Ты мне поклялся... Сохраняй спокойствие, Пауль!

Пастор. Ты права; говорят, отец Лютера в подобный момент стал убийцей. Бог ведь, на что я способен. Не впервой попадать пастору в ту же тюрьму, где он служит.

Пасторша. Подумай о Христе и о грешнице Магдалине!

Пастор. А ты, Клера, изволь придержать язык! Я знаю, что делаю. Мне ясно, в чем моя единственная ошибка. Не только Доротею, но и тебя и весь ваш женский род я не подвергал патриархальному домашнему воспитанию. Пускай Доротея сию же минуту явится ко мне! Надо действовать, и немедленно. Если она чувствует себя матерью, она должна знать, кто отец, какого он звания, холост он или женат. А потом уж я решу, как поступить.

Пасторша. Я боюсь, что она не назовет отца.

Пастор. Она должна его назвать! Дай мне только до нее добраться!

Пасторша *(останавливает его)*. Пауль! Пауль! Так нельзя! Не горячись!

Входит Доротея, бледная как полотно.

Доротея. Я пришла сама. Я здесь, папа. Зачем тебе тратить силы, тащить меня сюда через всю квартиру? Можешь спокойно обрушить на меня бич твоего справедливого гнева и отчаяния.

Пастор *(поворачивается к дочери, замахивается на нее кулаком и так стоит вплотную перед ней)*. И ты имела наглость сама явиться ко мне?!

Доротея. А почему нет? Ведь меня уже нет в живых.

Пастор *(опускает кулак, скрипит зубами)*. К сожалению, к сожалению, ты жива!

Доротея. Чего же больше? Ты прав, если это в самом деле так.

Пастор. Ты живешь, чтобы покрыть неизгладимым позором меня, свою покойную мать, свою мачеху, своих сестреночек, чтобы всех нас вогнать в гроб. Вот как обстоит дело. Ты меня понимаешь?! Кто тот человек, что втоптал в грязь твою честь, тебя и всех нас?

Доротея. Не знаю, имею ли я право назвать его имя.

Пастор. Во всяком случае, мне нужно знать, женат он или холост.

Доротея. Так или иначе, я все равно за него не выйду.

Пастор. Это покажет будущее. Поживем — увидим!

Доротея. Отец, я в твоей власти. Я совершила непростительную ошибку и понимаю, что любая твоя жестокость будет оправдана. Во всем я обязана отвечать тебе послушанием. Но я отказываюсь от него — в этом будь уверен, — если ты думаешь свести меня с человеком, которого я презираю.

Пастор. Потаскуха! Девка! Ты говоришь о сводничестве? Мне, твоему, бог свидетель, непорочному отцу, говоришь ты об этом? Если это граф или последний негодяй, он, понятно, не женится на тебе. Но если это бюргер, он женится, потому что обязан вернуть тебе твою честь, а мне вернуть мою, об этом уж я позабочусь! Он быстренько смекнет, с кем связался. Дворник ли он, кучер ли, пьяница, — не важно. Ну что же, станешь кучершей. Но если ты откажешься, пощади тебя бог!

Доротея. Я никогда не выйду за Марио! Этим я выдаю тебе имя. Не знаю, как я вдруг решила на это. И вообще у меня такое чувство...

Пастор. Марио, говоришь ты? Кто это? А-а! Ага! Теперь мне картина ясна! Так это тот самый дуралей с мандолиной, шеф-повар, который, давая уроки по кухне, обучил тебя и кое-чему другому. Где сейчас этот негодяй? Встречалась ли ты с подлецом с тех пор, как вернулась в отцовский дом?

Доротея. Да, отец, встречалась.

Пастор. И ты заявляешь, что не выйдешь за него, после того как сама не дорожишь своим достоинством перед этим подлым мерзавцем?

Доротея. Нет, отец, я никогда не выйду за него.

Пастор. И не скажешь мне, где его найти?

Доротея. Почему же? Я все тебе скажу. У меня и в мыслях нет что-либо скрывать.

Пастор. Потому что ты совершенно утратила честь и стыд.

Доротея. Нет, отец, потому что в правдивости еще нахожу себе опору. Повар Марио работает в нескольких минутах ходьбы отсюда, в Губиш-отеле.

Пастор. Постой! Ну конечно, в прошлый понедельник он имел наглость приветствовать меня, когда я завтракал у Губиша со своим школьным приятелем. С божьей помощью, минуты через две я снова буду здесь. *(Быстро и решительно уходит.)*

Слышно, как защелкивается замок стеклянной двери в передней.

Доротея. Ты представляешь, что теперь будет?

Пасторша. Боюсь, что да. Представляю.

Доротея. А я — ничуть. У меня такое состояние, будто я зажата между двумя высокими белыми стенами — одна за спиной, другая вплотную у груди. Совершенно ничего не представляю.

Пасторша. Боюсь, что пришло в движение что-то неудержимое.

Доротея. Представь себе, Клера, у меня такое состояние, что вся эта история меня несколько не трогает; сама я только зрительница. И с нетерпением жду серии картин, которые появятся передо мной на белой стене. Итак, он швырнет меня Марио?!

Пасторша. Я не хочу лезть тебе в душу, чтобы разобраться, как стало возможным то невообразимое, особенно при твоей любви к Герберту. Браком Герберт мог бы восстановить тебя в правах, но ты на него не рассчитываешь. Впрочем, да что я!.. Ведь должна ты наконец дать себе ясный отчет, какой путь единственно возможен.

Доротея *(неподвижно сидит в кресле)*. Мне кажется, я обратилась в камень. *(После продолжитель-*

ного молчания.) Пожалуй, я могла бы сказать тебе, Клера, растолковать... нет моей вины в том, что случилось. И ничего нельзя было поделать. Нещадная жара. Переутомление до потери сознания. Нападение на почти беззащитную. И сейчас, веришь ли, Клера, у меня состояние такой же апатии. Если он встретит Марио, как ты думаешь, притащит его сюда?

Пасторша. Если встретит — конечно, притащит. Я твоего отца знаю. Упаси нас боже, если Марио заупрямится. Тогда старик будет колотить его головой об стену, и разразится такой скандал (плача) — все мы тогда погибли! И ты думаешь, что после этого он сможет остаться пастором здесь или еще где-нибудь?

Доротея. Конечно, нет! Остается пожелать, чтобы отец отыскал Марио и тот оказался достаточно разумным и пришел.

Пасторша. Да, только этого и надо желать.

Доротея. Как бы так сделать, чтобы он пришел? В голове у меня сейчас такая холодная ясность, и хочется действовать благоразумно и правильно.

Сильно зазвонил дверной звонок.

Пасторша. Боже милосердный, вот и они.

Доротея (поднимается). Мне безразлично, что делать: ждать, пока меня позовут, или тут же посмотреть ему в глаза...

Пасторша. Собери все свои силы!

Доротея. Будь спокойна. Я держу их как свору псов на связке ремней. Но пока нам лучше оставить мужчин одних. Только молю тебя, милая Клера, будь добра ко мне и ни на миг не бросай моей руки, пока все не решится, пока все не пройдет.

О бе уходят.

Дверь в переднюю открывается. На пороге комнаты с напускной веселостью появляется пастор и пропускает перед собой повара Марио Маллонека.

Пастор. Пожалуйста-пожалуйста, проходите! Я здесь дома, господин Маллонек. Эта фамилия встречается в Западной и Восточной Пруссии. Я — мазур;

может, мы из одного уголка? А пожалуй, нет, в ком-то из ваших предков текла сицилийская кровь. Сицилийская кровь — горячая кровь! Но и мы, мазуры, не из глины леплены! Мой блаженной памяти батюшка при случае брал из рук резака топор и собственноручно проламывал череп годовалому быку. Вы, конечно, курите, господин Марио?! Я имею в виду не кухонную дымокурню, где вы, пуская в глаза дым и чад, приготовили нам сюрприз в целый праздничный стол, господин Марио! Настоящая гаванна. Разрешите зажечь? Это четвертая из коробки. Две выкурил я, третью — профессор доктор Пфаншмидт. Вы его знаете? Пятую закурю я же. Берите, будьте как дома, господин Марио!

Марио. А у вас здесь уютно, господин пастор.

Пастор. Вы имеете в виду тюремный пейзаж?!

Марио. Этого, откровенно говоря, я не имел в виду.

Пастор. Ну-у, с уютом у меня здесь не ахти как, господин Марио!.. Есть ли у вас, с позволения сказать, хоть малейшее представление о том, зачем я пригласил вас к себе таким необычным, таким неожиданным и настоящим образом?

Марио. Была охота копаться в догадках! Вы сами сообщите все, что нужно.

Пастор. Да, сообщу. *(Запирает обе двери и ключ кладет себе в карман.)*

Марио. Должен вам, однако, заметить, что это — лишение свободы и что лишение свободы карается по закону.

Пастор. При том вопросе, который нам должно разрешить, эта точка зрения для меня не годится.

Марио. Прекрасно, я это буду иметь в виду. И у меня бывают мгновения, когда я в том или ином пункте преступаю десять заповедей. *(Хватается за пояс, где у него торчит нож.)*

Пастор. Не волнуйтесь: вам нечего бояться, милый человек! Я не задержу вас ни на минуту, как только мы придем к единому решению. А что мы так или иначе сойдемся, сомнений быть не может. Хороша ли сигара?

Марио. Превосходна, господин пастор.

Пастор. Настоящая гаванна! Как и вы настоящий негодяй, господин Марио!

Марио. Прошу вас привести доказательства.

Пастор. Вы — мерзавец, господин Марио! Доказательство тому вы сами!

Марио. Если вы обругали меня такими словами за поступок, каким сами столько раз похвалялись за питейным столом в «Орле» — или, может, вы, когда были студентом или кандидатом, ни разу не соблазнили бюргерских дочек? — то я мог бы приложить те же слова и к вам.

Пастор. Натура, подобная вашей, могла бы показаться несовершенной, не выпирай в ней бессовестная наглость и дерзость. Там (*указывает в окно на тюрьму*) недурно учат подобных вам. Ни слова больше! Понятно? Молчите!

Марио. Вы и здесь прибегаете к одной из ваших пресловутых тюремных мер. Но должен вам заметить, что я не из числа ваших бесправных и поработанных колодников, — об этом вы только что заявили сами.

Пастор. Терпение! Скоро дойдет и до этого. De facto¹ между вами и подследственным арестантом в данный момент нет никакой разницы. Молчите! Не толкайте меня на преступление! Вы совершили насилие над моим ребенком, мне точно все известно. Моя дочь стала жертвой низкой подлости!

Марио. Ах, не говорите об этой истории! Вот так попадись на удочку этим женщинам; затем их терзают раскаяние и страх, а потом все они как одна уверяют, что над ними совершено насилие.

Пастор. И вы отрицаете, насколько злоупотребили своим авторитетом? Как ловко и продуманно вы подкараулили мою дочь на заднем дворе, где сливают помой, когда вы...

Марио. Совершенно верно! Лестничная история!

Пастор. Вот именно лестничная история, ее-то я и имею в виду.

---

¹ Фактически. (*Лат.*)

Марио. Позади гостиницы три плоские крыши. На первой хранятся корзины с птицей и просто птица, естественно, дамы поднимаются наверх и, несомненно, я сам. Лестницу я втаскиваю! Сами подумайте: как бы я взобрался на следующую крышу, где у нас лежат сушеные фрукты? Потом снова втаскиваю и забираюсь с кем попало из этих дам на самую верхнюю крышу: ну, бог ты мой, почему бы и нет? Хочется ведь иногда полюбоваться прекрасным видом!

Пастор (*быстро пишет за письменным столом*). Господин Марио Маллонек, пока вы не подпишете вот этот документ, вы не выйдете из этой комнаты. По крайней мере живым! Вы завлекли мою дочь в укромное место, втащили лестницу, лишили ее свободы и грубейшим образом воспользовались ее беспомощным положением. Делали вы это не только с ней, свидетелей я добуду среди служанок гостиницы. Но эта история осталась не без последствий...

Марио. Как раз наоборот: эти подлые грешницы всегда сами совращали меня!

Пастор. Вот оно что! Тогда вы попались, господин Марио! Я просто взял вас на пушку. А теперь садитесь, пожалуйста, к столу. У вас есть время спокойно прочесть написанное.

Марио. А почему бы и не почитать вашу писанину? Мне ведь разок-другой приходилось бывать при судебных разбирательствах. Да, это не так-то просто. (*Склоняется над письменным столом и читает.*)

Пастор (*у окна*). Как раз в той камере напротив — вот, где прутья толщиной в руку, — сидит бывший член торговой палаты; рядом, как ни печально, участковый судья; в третьей камере — повар. Вы могли бы с ним тогда наладить связь!

Марио. Вы забыли, что в четвертой сидит бывший пастор!

Пастор. Простите, вы кончили читать?

Марио. Стоит ли читать всякий вздор? Я ведь никогда не подпишусь.

Пастор. Вы прочтаете этот документ и подпишетесь под ним, или (*достает с книжной полки библию и листает ее*) — я возлагаю руку на библию! — вы не

Уйдете живым из этой комнаты! Читайте спокойно, у нас есть время — сегодня суббота, я углубляюсь в чтение евангелия завтрашнего дня.

Марио (*у письменного стола*). Если это доставит вам удовольствие... (*Читает. Продолжительное молчание. Дочитав до конца, озадаченно и с удивлением смотрит на пастора, который делает вид, что углублен в библию. Снова читает документ, внимательно изучая его. Потом удивленно и с сомнением вторично смотрит на пастора, который и на этот раз не отвечает на его взгляд.*) То, что вы написали на этом листе бумаги, господин пастор, быть может, издевательство над моей ничтожностью?

Пастор. Избить вас, выкинуть вас через окно на улицу — вот что я сделал бы, и с превеликим удовольствием. Но издеваться над вами для меня... слишком невелика персона такой босяк, как вы!

Марио. И несмотря на это, я должен стать мужем вашей дочери?!

Пастор. Должны! Речь идет о падшей женщине, которой вы обязаны вернуть по крайней мере доброе имя как своей жене. Это ваш долг, кем бы вы там ни были, и он целиком в вашей власти.

Марио. Вы требуете, чтобы я женился на вашей дочери?

Пастор. Совершенно верно, именно этого я и требую. Но как только вы повенчаетесь, вы тут же уедете в Америку.

Марио. Такой оборот дела меня поражает, господин пастор.

Пастор. Меня он тоже поразил, будьте уверены.

Марио. Вот теперь мне ясен ход ваших мыслей. Надо сделать, чтоб все было шито-крыто! Конечно, некоторую вину в щекотливых обстоятельствах, раз уж таковые налицо, я не оспариваю. И по возможности готов искупить свою вину. В сущности, нужно только вникнуть в это дело. (*Снова углубляется в документ.*)

Пастор. Даю вам пять минут. Если по истечении этого срока не будет вашей подписи, то...

Марио. Скандал станет публичным, и вы поте-

ржете место. И ваше пасторство, как пить дать, прости-
прощай, вам же придется искать заработка. На это
вы не пойдете.

Пастор. Больше я ничего не скажу.

Марио. А кто даст нам денег на переезд в Аме-
рику?

Пастор. Так я и знал. Теперь он начнет меня
шантажировать.

Марио. У меня денег нет. А без денег через Ат-
лантику не перемахнешь.

Пастор. Я учел и это обстоятельство: мне ведь
известно, с кем я имею дело. Доротея получила в на-
следство от одного дяди, моего шурина, за которым
она ухаживала до его смерти, двенадцать тысяч ма-
рок. Эти двенадцать тысяч вам выплатят сразу после
венчания.

Марио (*подписывает*). Я подписал, господин па-
стор.

Пастор (*просматривает документ, открывает од-
ну из дверей и зовет*). Доротея, жених твой ждет тебя!
(*Покидает комнату через другую дверь.*)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Происходит в небольшом городе с тридцатитысячным населением в штате Коннектикут, близ Нью-Йорка, в Соединенных Штатах Америки.

Продолговатая комната в деревянном доме на окраине города. Посреди низкого помещения стоит большая затопленная антрацитом плита. Направо и налево от нее по две раскладушки с весьма спартанскими подушками и шерстяными одеялами, без белья. В стене направо две двери, на кухню и в сени. В стене налево два небольших запущенных снегом окна, сквозь которые едва пробивается свет.
Канун рождества.

После предыдущего действия прошло около года. У небольшого стола под самыми окнами за шахматами сидят Губерт Пфаншмидт и мистер Леман. В это же время фрау Лейнефельдер вытирает пыль и прибирает комнату. Губерту Пфаншмидту лет сорок, он широк, добродушен, рыжеволос, похож на нидерландца. По его тяжелому дыханию и походке заметно, что он болен. Мистер Леман — рослый американский полисмен. Фрау Лейнефельдер — чистенько одетая матрона, лет шестидесяти с лишним, в белом чепчике и белом переднике.

Губерт. O my dear Sir, my dearest honourable Mister Лемэн, Sir Лимэн, Леймэн, Ламэн, Леймон, Seitron, Sitron¹, вы остались на бобах, не позднее одиннадцати — двух по американскому времени, — вам крышка.

Леман. Well, we'll see. But I must go on the street. When I've got the time, I'll come back.

---

¹ О мой дорогой сэръ, мой дражайший уважаемый мистер... Лимон. (Англ.)

² Ладно, посмотрим. Мне, однако, пора на улицу. Будет время — загляну. (Англ.)

Губерт (*подражая англичанину, говорящему по-немецки*). А что если вы перехватите on the street еще глоточек whisky, Sir? (*У окна.*) Сегодня проносится уже третья лошадь с саними!

Леман. Well, I must go. Good bye, Mister Pfannschmidt! (*Вращая своей дубинкой, медленно уходит.*)

Губерт. Не будь у этого Голиафа такой дикой страсти к шахматам, я подох бы со скуки, Лейнефельдерша. Ты бы рассказала, что ли, как там у тебя наверху, в городском богоугодном заведении!

Фрау Лейнефельдер. Хорошо. А что я могла бы поделывать, будь там плохо?!

Губерт. А на вид что европейский санаторий.

Фрау Лейнефельдер. Тебя туда не возьмут, Губерт, ты ведь не прожил на этом месте и десяти лет.

Губерт. Ах ты, добрая, старенькая Евлалия Лейнефельдерша, твой молочный сын не может так долго ждать чести быть взятым в американский дом для престарелых.

Фрау Лейнефельдер (*похлопывая его по затылку*). Миленький, не шути так глупо!

Губерт. Взгляни на эти четыре постели! На них умещаются пятеро. Верить ли, сам не знаю, чем все мы будем завтра кормиться.

Фрау Лейнефельдер. А почему ты не поступишь на обойную фабрику?

Губерт. Едва меня там увидели, как все было кончено.

Фрау Лейнефельдер. Губерт, нельзя так долго сидеть сложа руки.

Губерт. Мне кажется чудом, что ты здесь, ты, старенькая, добрая молочная бутылочка! Слов нет, какое ты утешение в моей гнусной беспомощности! Некто приходит. Думаешь, чужой. И вдруг этот некто говорит: я твоя старая кормилица. А я и не знал, что у меня таковая была. Вот видишь, я ношу свидетельство твоего благого отношения и твоих способностей за подписью моей матушки, что ты мне дала, постоянно ношу на груди. И мать тоже носила.

---

¹ Хорошо. Мне пора. До свидания, мистер Пфаншмидт. (*Англ.*)

Фрау Лейнефельдер. А свидетельство-то, миленький, ты мне верни!

Губерт. Ого! Ты уверена, что оно тебе еще понадобится, Лейнефельдерша? *(Достает его из внутреннего кармана и рассматривает.)* А как энергично тогда подписала свое имя славная маменька. Да, тесен мир, дорогая дева Евлалия!

Фрау Лейнефельдер. О, мадам была всегда энергична. Оставила я раз тебя одного на полчаса, а печь немного зачдила, ну и давай она меня туплей охаживать по ушам, по ушам. А я все думаю: и когда же она перестанет? А она не перестает и не перестает...

Губерт *(с неудержимым смехом)*. Господи, чего только смешного не вспомнишь! Да-а, умерла мать. Это известие мне переслал мой юрист из Бреславля с довольно жестким письмом брата Герберта. *(Вытаскивает свои часы.)* Около половины двенадцатого. Над Европой уже царит ночной мрак. А моя любезная жена Леонора все еще не вернулась из города. С покупкой провизии, что ни день, тяжелее. Торговцы больше не дают в кредит. Ты узнаешь эти старые часы, с этой старой цепью?

Фрау Лейнефельдер. Конечно, Губерт, ведь их носил господин — так мы называли твоего отца.

Губерт. На хорошем немецком нынче сказали бы — шеф. Итак, старые отцовские часы обратятся завтра в антрацит, и он восемь дней будет обогревать каморку, что все-таки необходимо при восемнадцати градусах мороза, если не хочешь замерзнуть.

Фрау Лейнефельдер. Ты же говорил, что получишь наследство.

Губерт. «Черный орел» придется продать. Брат мой Герберт не может продолжать дело. Ты ведь знаешь, что он стал профессором. Дом заложен. Что там может остаться? Отцы родные! Кто даст мне, в добрый час, денег, хотя бы на переезд? Да и как-то стыд берет. Считают, чего доброго, богатым американцем. А заявись в таком виде!.. Тоскуешь, наверно, по старой родине, Лейнефельдерша?

Фрау Лейнефельдер. Муж мой почует здесь на мериденском кладбище, а мне зачем куда-то ехать?

Губерт. Истосковался я по родным местам ужасно. Пусть я там умру или снова обрету здоровье. Но даже перед смертью я почувствую себя здоровым. Известно ли тебе, что у других народов для понятия «тоска по родине» нет соответствующего слова? Речь идет вовсе не о жизни и смерти, а всего лишь о погребении. И все же, выпади мне крупный выигрыш, я почел бы это за радость только потому, что смог бы купить за него великое счастье — я говорю, счастье! счастье! счастье! — быть зарытым в родной земле. Моя голова только этим и занята — день и ночь, трудно мне это передать, Лейнефельдерша. И какие там счета с моим покойным отцом, с моей покойной матерью! Все, что разлучило нас в гневе, до смешного глупо, теперь мы снова близки. Помнишь ли ты еще «Черный орел?»

Фрау Лейнефельдер. Я и слепая нашла бы к нему дорогу.

Губерт. А помнишь голубой зал с мебелью, обитой желтым репсом? Большие жаркие кухни с горящими под потолком лампами? Старую буфетную, откуда через окно можно вылезти на задний двор? Три замшелые плоские крыши? Под третьей большая голубятня. Там всегда была лестница. Всегда кто-нибудь лез по ней вверх или вниз. Одичалые кошки, крысы, куры, утки, гуси, всякая всячина... А ты знаешь, что там у меня остался сын?

Фрау Лейнефельдер. Конечно, знаю. Я все о тебе знаю, Губерт.

Губерт. Когда я ушел, ему было два года; неделю назад ему исполнилось одиннадцать. Встреть я его на улице, не узнал бы, что это мой мальчик. Не сумасшествие ли это, Лейнефельдерша?

Фрау Лейнефельдер. Ну, и что теперь с ним?

Губерт. Ты хочешь вполне удостовериться, что тоска по родине после смерти моей матушки совершенно сводит меня с ума? Что ни ночь, Готгольд словно живой подходит к моей кровати. Мне представляется, что

брат мой Герберт самолично везет его ко мне. Слиски пассажиров всякого лайнера, покинувшего Германию в Куксгафене или Бремене, я буквально изучаю.

Входит крайне раздраженная фрау Леонора Пфаншмидт, бедно одетая. На вид она старше своих тридцати пяти лет.

Леонора. Слава богу, что я хоть снова в тепле. *(Ставит сетку, в которой видны пакеты, овощи, полные кульки, мясо.)*

Губерт. А это солидно выглядит, Леонора.

Леонора. Только не спрашивай, как я все это наскребла! Но это категорически в последний раз. Покупать без денег я больше не могу.

Губерт. Как ты раздражена, скажи на милость!

Леонора. Раздражена? Мне нужно выть от бешенства и срама. Ты только вообрази, этот мулат, эта полюбезьяна, что владеет на углу продовольственной лавкой, при всех осыпал меня бранью. Видишь ли, он не даст мне и наперстка крахмала, не принеси я сначала деньги. На сей раз он это делает только ради рождества и потому, что жена его тоже немка. Тебе нужно хоть немного работать, орал он.

Губерт. Мою шляпу, мою палку! Я его отделаю, мерзавца. Чего там церемониться с этим малым, можно разбудить и судью Линча!

Фрау Лейнефельдер *(успокаивающе)*. Да пусть себе бранится! Все это пустяки!

Леонора. Слава богу, есть еще люди! Когда я рассказала обо всем этом аптекарю Лампингу, он тут же протянул мне деньги на покрытие долга.

Губерт. Но ведь ты не отнесла их мерзавцу?!

Леонора. Я выложила их ему на стол и так отчитала, что он весь позеленел.

Губерт. Да он их не стоит, таких денег.

Леонора. Между прочим, Лампинги завтра приглашают нас с детьми на рождественскую елку. Почтальон здесь был?

Губерт. Ты имеешь в виду известный перевод от неизвестного благодетеля?

Леонора. Не знаю, но почтальон, прыгая на электричку, весело кивнул мне издали. «Августа Виктория»

пришвартовалась вчера в Гобокене. Говорят, здесь ходит неизвестный господин со своим сыном, они прибыли с «Августой Викторией».

Губерт (*хохочет*). Это, должно быть, Герберт с Готгольдом.

Леонора. Я не верю в приметы и чудеса.

Губерт. Это я так, пошутил. Но приметы, чудеса? Это к чему?

Леонора. Дорогой мой, дорогой, мне тебя просто становится жалко. Забил ты себе голову чепухой, будто Герберт привезет нам Готгольда. Да и меня с ума сводишь. Выбрось ты это наконец из головы!

Губерт. Милая Лора, оставь мне, пожалуйста, хоть зародыш надежды, мой тщательно поливаемый, микроскопический — а, ты принесла и бутылку коньяку! — зародыш надежды, который нужно поливать и поливать! Не лишай меня единственного, мной самим возвращенного рождественского деревца! Я и сам знаю, что это безумие, и, в конце концов, загнусь от разрыва сердца.

В комнату врываются дети супругов Пфаншмидт — Эрн а, Г е д д а, А г а т а, девяти, восьми и семи лет.

Дети (*бросают школьные сумки и кричат наперебой*). Добрый день, папа! Добрый день, мама!

— О, какой сегодня идет снег, папа!

— Сегодня ужасно холодно, мама!

Губерт. Мама, папа, папа, мама!

Дети (*наперебой*). Ах, мама, я хочу есть, мама!

— У меня буквально живот подводит, папа! А что сегодня у Шмидтов на обед!

— Митчерсы получили сегодня из Германии бочонок кислой капусты!

— У-у, мама, кислая капуста, кислая капуста!

Леонора. А больше вам ничего не известно? «Кислая капуста»!

Дети. Учительница дала нам сегодня по прянику!

— У Шерингов в передней стоит большой ящик нюрнбергских пряников!

— А у Миллеров рождественская елка, большая-пре-большая!

Губерт (*делит яблоки из сетки*). Вот! Лопайте, пока что-нибудь приготовят! Благодарите боженьку и свою мать! Не будь она львицей, пришлось бы вам, чего доброго, положить зубы на полку.

Между тем как дети набрасываются на яблоки, раздается громкий стук в дверь. Входит молодая, ярко одетая дама, лицо ее закрыто вуалью.

Дама. Сюда я попала, здесь живет господин патент-адвокат Губерт Пфаншмидт?

Губерт. Это я. Только я уже давно не патент-адвокат. Чем могу служить, сударыня?

Дама. Этого в двух словах не скажешь.

Губерт. Пожалуйста, присаживайтесь, если найдете место. Тесновато у нас. Дети, а ну-ка, марш из комнаты!

Дети уходят на кухню.

Как я уже сказал, с патент-бюро я давненько распротился.

Дама. Я ищу у вас не помощи, господин Пфаншмидт. И даже не совета.

Губерт. Трудновато получить помощь у того, кто сам себе помочь не в силах.

Дама. Меня тянуло сюда передать вам весточку со старой родины, да и сама, я бы сказала, жажду услышать хоть несколько ласковых слов.

Губерт. Значит, вы только что прибыли с «Викторией Августой»?

Дама. Вот уже год, как я покинула Лигниц, и столько же нахожусь в этой стране.

Губерт. И вы знаете меня? Мою семью? Да-а, тесен мир, это я всегда говорю. Как вы разыскали меня?

Дама. Вас я вижу сегодня впервые. Зато я знаю вашу семью. Когда «Августа Виктория» причаливала в Гобокене, я стояла в толпе, как всегда, когда ожидается пароход из Германии. Тогда я вижу немцев, слышу немецкую речь. И вдруг я слышу, как один господин из Нью-Йорка говорит что-то прибывшему пассажиру. Было упомянуто имя Губерта Пфаншмидта и город Мериден. Тут же я решила посетить вас.

Губерт. Странно! Пусть вас не удивляет, что все это немного поражает меня.

Дама. Но прежде один вопрос: вы случайно не знаете Доротею Ангерман?

Губерт. Существо женского пола с подобным именем мне незнакомо.

Дама. Тогда, может, вы что-нибудь слышали о пасторе Ангермане?

Губерт. Ангерман? Пастор Ангерман?

Леонора. Да, Готгольд ведь находится на пансионе у некоего пастора Ангермана.

Губерт. Ну конечно, бог ты мой! Чего доброго, скоро позабуду, что при крещении мне дали имя Губерт! У меня сын одиннадцати лет. Точно! Его воспитывает некий пастор Ангерман.

Доротея. Совершенно верно, так вот я его дочь.

Леонора. Дочь пастора Ангермана?

Доротея. Дочь пастора Ангермана.

Леонора. И вы знаете нашего сына, нашего Готгольда, фрейлейн Ангерман?

Доротея. Славный мальчик. А как вырос!

Губерт. Тише! Тише! Все по порядку, фрейлейн Ангерман. Сердце у меня что-то пошаливает. — Мое универсальное лекарство, Лейнефельдерша!

Фрау Лейнефельдер приносит ему пузатую чашку черного кофе.

Глоток черного кофе, и я снова могу выворачивать деревья. Как вы приехали в Америку, фрейлейн Ангерман? Снимите, пожалуйста, пальто и шляпу, фрейлейн Ангерман!

Доротея. Я уже не фрейлейн Ангерман.

Леонора. Ну пожалуйста, пожалуйста, раздевайтесь.

Губерт. Рассказывайте-рассказывайте. Вот уже девять лет мы не говорили с человеком, который бы собственными глазами видел Готгольда. Леонора, коньяку, бананов, тартинок с маслом!

Леонора. Как выглядит Готгольд? Большой или маленький для своего возраста? У мальчика длинные волосы? А по-немецки говорит он правильно, как взрослый?

Губерт. Разумеется, все еще лепечет, Леонора! — Вы знаете и других членов моего семейства?

Доротея. О, ваша матушка, когда я училась в «Черном орле» стряпать, приняла меня как истинная мать. Надеюсь, я не первая приношу вам весьма и весьма печальную весть?..

Губерт. Я знаю, что моей матери нет в живых. Она безмолвно убралась. Вы, наверно, знакомы и с моим благоденствующим ученым братом?

Доротея. И Герберта... и господина Герберта... и господина профессора Герберта Пфаншмидта я знаю.

Губерт. Как он там поживает? Не женился ли юноша?

Доротея. Мне думается, нет.

Губерт. Так я и знал! Герберт и женщины — это так же вяжется, как телеграфный столб и отварная курица. Так, значит, милая моя сударыня, вы учились в «Черном орле» стряпать? Тогда вы должны знать и буфетную?

Доротея. В ней мы, молодые поварихи и фрау Реннер, обедали.

Губерт. А воровала она как ворона, эта бравая особа. Так, значит, и Реннерша все еще там! Каждый год родители собирались сбыть ее с рук... А повар? Неужели вы застали и бравого шеф-повара, старика Филипсена?

Доротея. Нет, шеф-повара звали не Филипсен.

Губерт. Мой адвокат, доктор Фрейнд из Бреславля, писал мне, что Филипсен страдал легким пароксизмом и оставил поварню, а вместо него отец взял какого-то парня, этакого, знаете, даровитого борзого, которого несколько лет обучал.

Доротея (*откидывает вуаль и с дрожью в губах говорит*). За этого борзого я вышла замуж.

Губерт. Боже мой, простите меня, сударыня! О молодом человеке я, собственно, ничего не знаю. Уж не взыщите, мне и в голову не приходило, что дочь пастора выйдет именно за повара. Впрочем, я достаточно американец и не страдаю предубеждением против подобных браков.

Доротея. Зато я страдаю таким предубеждением! *(Слегка касается глаз.)* Но что я, собственно, хотела? Что заставило меня посетить вас? И вот теперь, когда я здесь, мне начинает казаться, что я поступила безрас- судно.

Леонора. Разденьтесь, фрейлейн Ангерман. Или как прикажете вас называть?

Доротея. Нет, спасибо, еще одну минутку. На- слаждение мне доставило уже то, что своими глазами я увидела членов семейства Пфаншмидт, услышала их голоса.

Губерт. Ого! Нет, так легко вам от нас не уйти, сударыня.

Доротея. Вы не представляете себе, что я пере- жила! И если бы я вам открылась, унижение было бы слишком велико. А между тем судьба моя — обычная повседневщина. И кто живет в ней, в этой повседнев- щине, тому не легко.

Губерт. Мне очень прискорбно слышать то, что вы мне говорите, уважаемая сударыня.

Доротея *(в порыве нарастающего отчаяния, все более и более вне себя)*. Никакая я не уважаемая! Ни- какая я не сударыня! А могла бы стать ею. Но, увы, оказалась недостойна этого. Блажен, кто не знает без- донной трясины, над которой буржуазный мир разлился, словно радужная лужа. А вот я погрузилась в эту тря- сину, в эту зловонную жижу, в это содомское гноище, где задыхаюсь, где меня рвет. Разумеется, в ваших гла- зах я падшая. Когда такую посчитал меня отец, жижа едва касалась моих ступней. Сама же я над ней была еще чиста как ангел. Потом я опустилась. Если вас кто об этом спросит: опуститься — это ужасно! Теперь я сов- сем по-иному отношусь к каторжанам, для которых весь мир, не исключая и моего отца в кругу его деятельности, состоит из сплошных фарисеев, пожимающих плечами. Как смешны все школы, учрежденные человеком, в срав- нении со страшной школой бога, которую мне пришлось пройти, чтобы понять это. И как может отец мой, пас- тор, не пройдя такого курса, быть наставником душ! Ведь такие люди не имеют ни малейшего представления о мире, о его ужасах. Ни в хорошем, ни в плохом они не

знают, понятно, и человека. Зная людей с плохой стороны, не понимаешь, как один человек, не умирая от страха и омерзения, может прикоснуться к другому, как человек может спать без браунинга под подушкой и овчарок у постели. Смеешься над манией преследования, а смеяться и плакать следует над людьми, которые не замечают, что за ними ведется охота, псовая охота, что всегда и повсюду их настигает завывающая свора. Я не говорю, что жизнь эта мелка. Жизнь растет, если каждую минуту ее защищаешь...

Губерт (*нежно берет ее за руки*). Сударыня! Сударыня! Мы темные провинциалы. Уж позвольте мне взять вас за руки и прервать вас, ведь вы дочь человека, которому я так обязан. Да, видно, тяжело вам досталось. Над нами тяготеет злой рок. Ведь наше житье в Америке тоже не мед. Именно поэтому будем тверды! Разделим наши горести, сложим наше мужество, фрейлейн Доротея!

Доротея. О боже, такие слова, господин Губерт. Я даже не могла себе представить, что на свете есть человек, способный на такие слова! (*Смотрит на него пристально и странно.*) Но слишком поздно! Для меня — тем хуже! Нет, вернуться я не могу, это невозможно!

Губерт. Не знаю, насколько вы правы...

Доротея. Нет, среда, в которой я провожу свою, так сказать, жизнь, этот ад, эта пучина, вам неведома. Люди так легко употребляют слово «унижение»! А что они знают о нем? Отец мой столкнул меня... столкнул меня в яму, в ров с голодными дикими зверями! Не будем, однако, порочить слово «зверь»! Остановимся на словах: человек, мужчина, палач! Тебя бьют, топчут, над тобой издеваются, выгоняют на улицу добывать деньги. Сегодня ты разодета в манто как марионетка, а завтра совершенно нагая. А потом бросают тебя на произвол судьбы, на волю случая! И всякий, кто обслужен такой куклой, уходит без гроша. Марионетка легка на руку. А подкараулит свора псов, расправа коротка. В гостинице «Черный орел» я не могла решиться взрезать какую-то несчастную рыбу. Теперь я пережила столько всего, понасмотрелась таких дел! Кровь, нервы напря-

жены до предела... нечто происходит, ты же словно в оцепенении, не то от ужаса обратишься в камень! Вы, наверно, знаете китайский квартал? Китаец — тихий и добродушный человек. Он тебе доверяет. Заходишь с ним в питейное заведение. Пустынный, узкий, темный зал. Посередине за стойкой стоит человек. Проходишь с провожатым в глубину. Глядь — безмолвно вырастает одинокая фигура в широкополой шляпе. Мягкий, добродушный великан китаец озирается. У входа появляется другая. Тут происходит такое, происходит... наяву, неизбежно, и ты должна смотреть на все это — до хрипящего, грязного, залитого кровью финала! А теперь разрешите мне уйти своей дорогой! *(Ошеломляюще быстро исчезает за входной дверью.)*

Губерт. Ух, это был призрак! Черный-черный призрак из ада, Леонора! Если принять это за привет от Старого света, то я, право, чему-то недоучился.

Леонора *(наблюдая у окна)*. Она усиленно пробирается через снег, на ту сторону улицы. Вот остановилась. О боже, снова идет, шатаясь, как пьяная. Хоть бы она добралась до вокзала! Что ты думаешь об этой особе, Губерт?

Губерт. Не сомневаюсь, что она дочь пастора Ангермана. Все, что она говорила о «Черном орле», тоже верно. Она вышла за негодя повара. Вполне возможно. Да и зачем ей все это выдумывать? В самом деле, она несчастная женщина. Но что она тут плела, этому я не верю. Она, видимо, под морфием. *(Во всю длину растягивается на постели.)* Здесь болит, там болит. Какое кому до этого дело?! Я думаю, у нас и своих хлопот полон рот. Но какие у нее дьявольские глаза! Эти глаза будут долго преследовать меня. В жизнь свою не видывал женщины с такими дьявольскими глазами. — Лора, как там насчет обеда?

Леонора. Губерт, старуха Зелигер умирает. Вот уже сколько лет все ее мечты и мысли только об одном — увидеть старую родину. Этой весной она могла наконец уехать, было уже решено. И все пошло прахом, она умирает. В бреду она только и говорит, что о своем крестьянском дворике в Шварцвальде.

Губерт. Тоска по родине, тоска по родине, Леоно-

ра! «I looked out over the ocean and saw a sunmaiden stand...»¹. Но ты только подумай, Леонора, к чему бы это? В момент прибытия «Августы Виктории» в Гобокен она была у причала, и там один неизвестный спрашивал кого-то обо мне. Будто бы так она узнала мой адрес?

Леонора. Нет, не знаю, кто это был. О боже, такая ночь, а эта несчастная на улице, Губерт! (*Уходит на кухню.*)

В комнате водворяется тишина и такой мрак, словно опустилась ночь. На улице разыгрывается снежная буря.

Губерт (*тяжело дышит и в полудреме мурлычет себе под нос*).

«Рыбачка-невеличка,
Челнок на море — спичка.
Не выплывай одна,
Когда кипит волна».

Какая штука залетела, силы небесные! То была мрачный призрак ночи! Черная летучая мышь!

Продолжительное время слышно только, как неистовствует буря. Затем буря несколько унимается, слышен громкий храп Губерта. С незримой узкой деревянной лестницы деревянного домика доносятся шаги. Можно различить стук то в одну, то в другую дверь сеней. Спящий, продолжая храпеть, ничего не слышит. Снова раздается стук, после чего слышно, как отворяют сенную дверь на кухню. Мужской голос спрашивает, голос Леоноры отвечает. За продолжительной тишиной следует громкий возглас удивления, затем приглушенный и порывистый шепот. Этот шепот продолжается некоторое время, потом замирает. Шумы дают понять, что пришельцы вошли в кухню. Кухонная дверь в комнату распахивается, и порядком заснеженный, в шляпе и пальто, появляется Герберт Пфаншмидт. В правой руке у него свеча, которую он заслоняет ладонью левой. За ним высовываются возбужденные лица дочерей Губерта, Леоноры и какого-то мальчугана. Не производя шума, Герберт подходит к ложу своего спящего брата и созерцает его. При этом по щекам его бегут слезы. Губерт храпит, не просыпаясь, и Герберт отступает, как приблизился. Теперь, точно так же, как его дядя, с зажженной свечой, появляется одиннадцатилетний Готгольд Пфаншмидт. Он подходит к постели спящего, этого незнакомого ему его отца. Он делает это равнодушно, только из любопытства. Губерт открывает через некоторое время глаза, равнодушно созерцает явление со свечой, словно собственную грезу, потом вдруг приходит в изумление и рывком поднимается.

¹ «Я смотрел на океан и видел восход солнца...» (Англ.)

Губерт. Бог ты мой милосердный, отец небесный!
Умер я или сошел с ума!

Те, кто на кухне, от волнения и радости плачут и смеются. Губерт озирается диким взглядом. Узнает Герберта, который снова виден. Только теперь он сознает событие, которого так ждал и в которое не верил. Это его сын — он прижимает его к себе. Безмолвно Герберт подходит ближе.

(Не отпуская сына и не глядя на Герберта, протягивает брату руку. Через мгновение высвобождается и с жаром машет всем обеими руками, чтобы те удалились.)
А теперь — дайте мне, я только дух переведу! — дайте мне минутку времени!

Герберт забирает с собой Готгольда. Девочек уводит Леонора. Губерта оставляют одного.

(Встает, грудь его вздымается; смачивает платок, выжимает его и кладет под рубашку на сердце. Это его успокаивает.) Входите, дети, теперь все хорошо!

Входят Герберт и Леонора.

Чуть было не окачурился.

Леонора. Хочешь крепкого кофе? Хочешь своих капель?

Губерт. Ни-ни, дорогая моя женушка. На сей раз все, кажется, обошлось. Подойди ближе, Герберт! Прежде я хочу осязательно удостовериться, ты ли это. Не сыграешь ли ты со мной злую шутку и, подобно мыльному пузырю фантазии...

Герберт. Нет, дорогой, этого нам нечего опасаться.

Они обнимаются, хлопают друг друга по спине, смотрят друг на друга.

Губерт. Постой! Все по порядку, Герберт. Дай мне прежде подцепить тебя под руку, и мы пройдемся что надо, слышь ты, пройдемся что надо по картинной галлерее туда и обратно. *(Указывает на раскладушки.)* Вот картины, иных нет. Это все, что я сделал за девять лет. Согласись, такое зрелище говорит о многом. Герберт, дружище, и какой только ангел господний подвигнул тебя побороть водобоязнь и вложил тебе в душу отважнейшее из решений — пересечь большой пруд и привезти нам нашего мальчика?

Герберт. Мысль эта не с неба свалилась. Смерть матери, решение вопросов наследства, будущее Готгольда и еще кое-какая мелочь, о которой ты в свое время еще узнаешь.

Губерт. Пора, пора тебе было приехать, милый Герберт.

Герберт. Когда твой друг, советник юстиции, появился у меня, оставалось только узнать, где тебя найти. В тот же день я купил билеты и взял Готгольда из школы. К чему там письма, когда я рассчитывал приехать чуть ли не раньше их.

Между тем на улице проясняется, и устанавливается ясный день.

Губерт. Ты, должно быть, представлял себе мое положение в несколько более розовом свете?

Герберт. Ты ничего не писал, да и советник юстиции ничего не знал о твоих обстоятельствах.

Губерт. У каждого своя гордость, дорогой мальчик! Но таить больше нечего. И если ты вздумал польстить себя мыслью, будто эта роскошь перед твоими глазами принадлежит мне, то, к великому твоему огорчению, сообщу, что все это, буквально все, вплоть до пуговицы штанов, заложено. И что из этого следует? Ты, должно быть, вспоминаешь: «Скорей, скорей, в Америку!» — «Ваше место там! Вы просто исходите талантом!» — говорили мне советчики. Да, я исходил! я исходил! Я изошел всем своим талантом, изошел деньгами, здоровьем, всем! И сейчас еще исхожу, черт бы все побрал, а последние три недели перед тем, как тебе приехать, я исхожу холодным потом. Как все это получилось, еще успеешь узнать. Впрочем, это обычная история. И даже не одна, а две. Одна бывает с человеком, которому везет и он поднимается, другая — с человеком, который катится вниз. Но, в конечном счете, пропади все пропадом, если бы не это. *(Указывает на сердце.)*

Герберт. Поэтому прежде всего и нужно что-то делать, Губерт!

Губерт *(возбужденно, запальчиво)*. Выколачивать средства! Мне хочется в Вильдунген. Представь себе, я

мечтаю об этом. Каждую ночь, пешком или в телеге, я тащусь под пышными буками Тюрингенского леса и петляю до Вильдунгена.

Герберт. Почему бы и нет, Губерт! Почему бы тебе в апреле или около того не побывать в Вильдунгене? Для успокоения хоть мельком взглянуть на остатки родительского наследия! «Черный орел» сдан в аренду. В год это приносит каждому из нас по шесть тысяч марок. Кроме того, если все обойдется, каждый из нас будет располагать наличными в пятьдесят-шестьдесят тысяч марок. Затем есть еще определенные объекты, и среди них небольшой домишко в Рейнбеке под Гамбургом; у отца была на него закладная, и он, по всей видимости, достанется нам.

Губерт. Дружище! А теперь поослабь, поослабь, дорогой мой Герберт! Только теперь, когда груз спадает с горба, чувствуешь, как дрожат колени. Отпусти, давай присядем. Так, мне думается, бывает при горной болезни.

Леонора. Принял бы ты лучше капли, Губерт. *(Дает ему кусочек сахара, на который она капнула несколько капель.)*

Губерт. Дигиталис! Давай сюда! Так вот послушай, благородная Леонора. *(Герберту.)* Она, честное слово, недурно держалась. — Собачья жизнь — можно ли ее назвать иначе, самая что ни на есть собачья жизнь — кончена. Представь себе: твой супруг по собственному усмотрению, по совету врачей, при помощи железной дороги смутит немецкие курорты и в ландо посетит прелестные загородные места. Его будут обслуживать официанты! Владельцы гостиниц будут справляться о его желаниях. «Ах, неужели комната вам не нравится! Это мы сейчас уладим». Дети, ну просто с ума сойдешь! Как это называется? Я думаю — превратностью судьбы!

Леонора всхлипывает и прячет лицо на груди Губерта. Потом высвобождается и оставляет комнату, как бы желая подавить свое волнение.

Ну, а как, собственно, твои дела, Герберт?

Герберт. Дела, как говорится, идут. Поговорим об этом после!

Губерт. И ты, значит, имел дело с компаньонами голворезами. И ты можешь кое-что порассказать о своих дражайших ближних!

Герберт. Внешне мне не на что сетовать. Моя работа в библиотеке и в университете удовлетворяет меня. Коллеги ко мне, в общем, расположены... Но...

Губерт. Ах, милый ребенок, тебе немного жмет башмак. А ты взгляни на своего брата: по сравнению со мной ты счастливчик. Один только враг, что засел у меня вот здесь, в груди, чего стоит.

Герберт. А может, и у меня там же засел враг.

Губерт. Человек, который выглядит, как ты, так ходит и так дышит?..

Герберт. Не всегда и не в любом случае это телесный недуг.

Губерт. Милый человек, не говори мне о душевных страданиях! Безденежье, голод, жажда, зубная боль, астма et cetera, все остальное надуманно. У кого дела идут слишком хорошо, у того и душевные страдания, — он может себе позволить эту роскошь. С первого взгляда ясно, что опасаться за тебя нет никаких оснований.

Герберт. Seriously опасаться? До этого пока не дошло.

Губерт. Портить себе настроение я не позволю.

Герберт. Для этого пока мой личный вопрос не дает ни малейшего повода. Основная моя цель достигнута. Я счастливо взволновал тебя. Дал Готгольду отца и вернул вам сына. И остальное со временем уладится.

Губерт. Однако, Герберт, ты разжигаешь во мне любопытство. Кольца ты не носишь — значит, не женат.

Герберт. Губерт, оставим это!

Герберт. И все же: où est la femme? ¹

Герберт. А я и не скрываю. Наряду с вопросом: où est le frère? ² — меня привел сюда и этот вопрос. Твой нюх тебя не обманывает, Губерт.

Губерт. Враг в груди, душа и тому подобное, в тво-

---

¹ Где женщина? (Франц.)

² Где брат? (Франц.)

ем возрасте и не женат, — наверняка за всем этим кроется какая-нибудь девица! Так у тебя, видно, зуб разыгрался на богатую американку?!

Герберт. Пальцем в небо. Все дело скорее в одной моей знакомой, которая неожиданно появилась и так же неожиданно исчезла. Видение скрылось, а на сердце осталась щемящая тоска.

Губерт. Ты получил отказ? Любовь была несчастной?

Герберт. Отказ-то отказом. Дело скорее в тяжелых разочарованиях. По сравнению с этим так называемая корзина — попросту мелочь. Меня всегда в ней что-то тревожило. В ее глазах нет-нет да и вспыхнет дерзкая искорка...

Губерт. Так, значит, тесновато стало тебе в Европе. «Жила-была крыса в тиши погребка... Тут стало ей тесно в мире, словно в теле любовь разыграла...» — и так далее, и тому подобное. Быть с ней вместе, на одном материке, — нет, это превыше твоих сил. — Эге, знаем мы эти штучки.

Герберт. Вовсе и нет. Она в Америке.

Губерт. В Южной или Северной?

Герберт. Она в Нью-Йорке или около него. А по-серьезному: что толку говорить об этом. Но чтобы ты мне все-таки поверил, знай, что я почти не солгу, если скажу: моя настоящая невеста осталась в Германии.

Губерт (*смеется*). Ого! Почти не солжет... «Настоящая невеста»... Герберт, я узнаю тебя. Значит, у тебя есть и не настоящая невеста. Все тот же церемониальный советник. А как зовут эту почти настоящую невесту?

Герберт. Она дочь городского советника в Бреславле. Но имя ее я пока скрою.

Губерт. А другую, что проживает около Нью-Йорка?

Герберт. Это не дочь городского советника из Бреславля. Но и это имя я тоже пока скрою.

Губерт. Значит, церемониальный и тайный советник!

Герберт. Ах боже, это просто так, из суеверия.

Губерт. Нет, такое несвойственно нам, Пфаншмидам.

Герберт. Я и сам порой удивляюсь. Вот хочешь верь, хочешь нет. Выхожу я раз осенью после проливного дождя из университета на улицу и вдруг, слышу, непроизвольно у меня вырвалось: Доротея! Ах, Доротея!

Герберт. Так ее зовут Доротея?

Герберт. Кого? Ну, хотя бы и Доротея. И я подумал: она вернулась на родину. Но так и не нашел ее.

Герберт (*вдумчиво и очень серьезно*). А что, эта Доротея не дочь ли пастора?

Герберт. Так доктор Фрейнд писал тебе кое о чем?

Герберт. Оставим доктора Фрейнда! Доротея вышла за повара?

Герберт. Да, вышла за повара.

Герберт. Твоя Доротея, как ты ее называешь, училась на повариху в «Черном орле»?

Герберт. Совершенно верно, и это совпадает. Но откуда тебе все это известно?

Герберт. Готгольд знает ее?

Герберт. Знает и даже называет тетей. У ее отца и воспитывался твой сын вплоть до смерти нашей ма-тушки.

Герберт. Дружище, милый! Дай-ка пораскинуть мозгами. То, что мне мерещится, по лоскутку собрано из разных слухов отсюда-оттуда. Но я не хотел бы оскандалиться и натворить что-либо несусветное.

Герберт. Ну, а где она — хоть это тебе известно?

Герберт. Покончено с этим! Ни слова больше! Завтра я разыщу тебе тут одно письмишко, которое, будем надеяться, не утеряно. В Сан-Франциско его сдали на почту. Какое-то неразберипоймешь. Я просто не знал, что и делать с этими каракулями. Мы с Леонорой склонялись к мысли, что писала его безумная.

Герберт. Письмо пришло с дальнего запада?

Герберт. Говорю тебе, завтра поищу его. Доротея, именно так ее звали. Но как еще — убей, не знаю. Так вот, милый ангел Уриель, Ариель или Габриель, милый рыцарь, святой Георгий, тот, кто растоптал дракона моей нужды, моих горестей и отчаяния, — ты исторгнул меня из темницы, оков и цепей! Теперь же оставь меня

на часок одного, а не то, пожалуй, я лишусь возможности испить сладость свободы. Нынче же вечером начнем строить планы.

Герберт. Да-да, ты прав! До сегодняшнего вечера!

Братья жмут друг другу руки, и Герберт уходит на кухню.

Губерт (*очень бодрый, мгновение размышляет, потом громко зовет*). Леонора!

Леонора тотчас же появляется.

Леонора. Я здесь, Губерт!

Губерт (*приложив палец к губам, тихо и горячо*). Молчи! Скорей сюда, Леонора! Ты хоть слово сказала Герберту о той несчастной, безумной особе, которая сегодня утром оказала нам честь своим визитом?

Леонора. Только что собиралась.

Губерт. Смотри же, ни гу-гу! Ни гу-гу, поняла?

Леонора. А ты знаешь, что она упала на улице? Твой приятель, полисмен мистер Леман, нашел ее и лично отправил в госпиталь дома для бедных и престарелых. Лейнефельдерша снова заходила сюда. Она была как раз там, когда Леман ее доставил. Кто знает, встанет она или нет. У бедняжки не было ни документов, ни гроша за душой.

Губерт. Ни слова об этом Герберту! Тут что-то неладное, и подойти к этому надо со всей осторожностью, чтобы не нанести Герберту удара в сердце. С него нельзя спускать глаз. Ну, как тебе нравится это утречко, Лора? В ночь и ветер, в бурю и снег чувствовать нечто так близко, совсем рядом, словно осязаемую власть провидения!

З а н а в е с

ДЕСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната, что и в предыдущем акте. Раскладушки вынесены. Пылает антрацитная печка. Небольшой диван, ковер, стол, несколько кресел-качалок уютно преобразили помещение. В лучшем самочувствии и внешне преображенный, за столом сидит Губерт, перед ним чернила и бумага, в руке ручка. У стола стоят Марио Маллонек и какой-то субъект. Марио одет на американский манер: пальто, шляпа, броские галстук и гамаши, перчатки из светлой кожи. Человек рядом проявляет женские черты характера и женский вкус.

Губерт. Послушайте, вы допрашиваете меня так наивно, будто вы сыщик.

Марио. Естественно, допрашиваю.

Губерт. Что же вы находите в этом естественного?

Марио. Мое доброе право узнать, что случилось с этой особой.

Губерт. Кроме того, что вам уже сказано, вы от меня ничего не узнаете. Недель пять-шесть тому назад меня посетила одна дама. Она была совершенно без средств к существованию, потому что негодяй муж покинул ее. Она упала на улице, и ее отправили в больницу. В больнице ее больше нет, как вы говорите; господин аптекарь Лампинг, у которого она будто бы находилась последнее время, тоже ничего о ней не знает. Вам наконец указали на меня. Но хотя бы я и знал, где эта дама, вряд ли сказал бы.

Субъект. Позвольте, но мы не те люди, с которыми так бесцеремонно, как вы полагаете, можно обращаться. Господин и дама женаты.

Марио. Заткнись, осел, тебя не спрашивают! Этим я не хочу сказать, что джентльмен неправ, просто нечего

соваться в мои дела. Значит, муж этой дамы негодяй, так вы считаете? Ведь жена сама смоталась от меня! По профессии я, между тем, повар. Не знаю, почему из-за этого я негодяй! Именно ваш покойный отец — позволю себе открыть — тот, кто мне, мальчишке, с полным доверием предоставил кухню в «Черном орле». Малло-нек моя фамилия! Зовут — Марио! Вы, должно быть, слышали обо мне:

Губерт. Я так и подумал, что вы и есть тот самый бездельник.

Марио. Не собираюсь и обижаться на сына моего бывшего принцепала. «Бездельник»! Это вы намекаете на мой мальчишеский возраст, когда ваш отец сделал меня шеф-поваром. Меня взял бы на работу Ротшильд, поверьте, имей он малейшее представление о том, что я умею делать!

Губерт. Оно и видно — здесь, в Америке, вы много поднаучились.

Марио. Бог ты мой, рассердитесь, что ли. А впрочем, говорите, что вам угодно! Я ведь сознаю, что здоровье у вас не ахти какое. В душе меня даже радуют злые шутки. А потом разве можно забыть благодеяния вашего отца, оказанные мне, какому-то паршивому мальчишке.

Губерт. Мое самочувствие, здоров я или болен, — вас не касается.

Марио. Что вы, собственно, имеете против меня? Ведь я пришел всего лишь справиться о своей жене.

Губерт. А то, что имеют против сомнительных, преступных элементов, жертвой которых, как ни печально, иногда становится существо женского пола из дру-гой среды.

Марио. И вы не боитесь дразнить человека вроде меня?

Губерт. Нет, ни капельки.

Марио. Но при этом вы рискуете чем-то или могли бы рисковать, не будь у меня здравого рассудка!

Губерт. Или вам не рассказывали в «Черном орле», как я некогда обошелся с мерзавцем вашего толка?

Марио. Весьма вероятно. Но когда это было! Вы, наверно, хотите снова взвалить на мою совесть все, что случилось с Дорой. Маленькое уточнение: в один июльский день, при двадцати трех градусах в тени. За остальное я не в ответе.

Губерт. Не собираюсь разыгрывать из себя судью. Но, быть может, очень скоро вам представится возможность проявить свою добрую натуру — конечно, если это еще не утратило для вас ценности. Ну, в час добрый! Через восемь дней я уплываю на родину, и у меня еще куча дел.

Марио. Well¹, не собираюсь вас больше задерживать. А что касается Доры, так я ее найду. (*Уходит.*)

Субъект следует за ним.

Губерт. Готгольд!

Готгольд влетает в комнату, кладет на стол перед Губертом маленький револьвер.

Готгольд. Я глаз не спускал с этих парней, отец.

Губерт. И правильно делал, Готгольд. Они нагрянули ко мне слишком неожиданно, я и вышел предупредить, чтобы ты немножко покараулил. Ничто тебе в этом человеке не бросилось в глаза?

Готгольд. Бросилось в глаза? Не знаю.

Губерт. Он тебе никого не напомнил?

Готгольд. Боже мой! Невообразимо. Неужели это наш повар Марио?

Губерт. А почему бы и нет! Это и в самом деле Марио.

Готгольд. Марио? (*Прыгает к двери и кричит вниз с лестницы.*) Марио! Марио! — Почему ты не сказал мне об этом, отец?

Губерт. Ты настолько хорошо его знаешь, этого Марио?

Готгольд. Еще бы! Это же мой лучший друг, отец! Ну, конечно, он. Только я не узнал его сразу, потому что раньше видел его в белом колпаке, белой

---

¹ Хорошо. (*Англ.*)

куртке и в белом фартуке. Ах, Марио может быть ужасно веселым! И каких он только не знает фокусов! Он не сыграл тебе на гребенке?

Губерт. Сегодня я вообще впервые имел возможность насладиться его присутствием, Готгольд.

Готгольд. Так, значит, правда то был Марио, отец?

Губерт. Конечно! Кто ж, как не Марио. Впрочем, у меня одна идея. Загляну-ка я к своему другу полисмену. Мистер Леман, Леймэн, Ломэн, пусть он сверкнет на него глазами.

Входят Доротея и Герберт. Они одеты по-зимнему, для улицы. Доротея выглядит все еще несколько болезненно, в одежде и в манерах проще.

Герберт. Славно мы прошлись, Губерт.

Губерт. Вам никто не повстречался... перед самым домом?

Герберт. Повстречался черный кот. Но мы не суеверны, и, значит, никто не повстречался.

Губерт. Я пройду только до справочного бюро, это в двух шагах. А вы побудьте пока у меня, милый Герберт. Мне еще нужно переговорить с тобой о том о сем, относительно отъезда на родину.

Герберт. Конечно, мы побудем у тебя до обеда.

Готгольд. Знаешь, кто здесь был, дядя Герберт?

Губерт (*рукой зажимает Готгольду рот и легонько выталкивает его за дверь*). Знаешь, что ты глупыш?

Герберт. Кто же здесь был?

Губерт (*уже из-за двери*). Да один тут чудак, мой старый товарищ по школе. (*Вместе с Готгольдом уходит.*)

Герберт. Да, это была чудесная прогулка, фрау Доротея. Она ведь не слишком утомила вас?

Доротея. Вот уже несколько дней я не ощущаю той свинцовой усталости, от которой раньше не могла отделаться.

Герберт. Почти четыре недели вы пролежали в постели. Ну, а потом температура, после нее всегда слабость. Судя по всему, положение вещей на сегодня нас должно более чем радовать.

Доротея. И меня это более чем радует.

Герберт. Кажется, мы в квартире одни. Простите Доротея, не раздеться ли нам? *(Берет у нее шляпу и пальто, после того как сам освободился от палки, шляпы и пальто.)*

Доротея подходит к печке.

(Расчесывает себе волосы.) Добрый мой брат, его занимает только отъезд на родину. Покупать чемоданы, упаковывать, перенаковывать — в этом его единственная забота.

Доротея. Я и то втихомолку улыбалась. На три четверти он уже в Тюрингенском лесу...

Герберт *(дотрагивается до бутылки, стоящей на столе)*. Здесь у него уже бутылка вильдунгера. Аптекарь Лампинг достал ее наконец для него.

Доротея *(приводит в порядок свои волосы)*. Аптекарь Лампинг! Просто не знаю, как я должна быть признательна этим любезным Лампингам и вообще всем здешним добрым людям, которые так много сделали для меня. И впрямь не знаю, чем буду расплачиваться. *(Садится на софу.)*

Герберт. Я уж много раз вам говорил, не стоит доводить себя до головной боли, Доротея.

Доротея *(задумчиво барабанит по стеклу)*. И все-таки! До головной боли! Ах, до головной боли!

Герберт *(после некоторого молчания)*. И в который раз я заговариваю об этом! В свое время я был недостоин славы, которой пользовался. Из-за моей медлительности и неряшливости, моего бесхарактерного и вялого поведения мы оба пострадали. Но судьба наша не так уж неблагоприятна, поскольку прозрение явилось к нам не слишком поздно, — вернее, оно было ниспослано явной и почти чудотворной силой providения. Ну что вы смеетесь, милая Доротея?

Доротея. Сама не знаю. Но от этих ваших слов мне снова хочется и смеяться и плакать.

Герберт. Я слишком много вам горожу? Вы все еще мне не доверяете, Доротея?

Доротея. Я и прежде всегда думала, что вы прекрасно обойдетесь без меня.

Герберт. Разве я вам недостаточно ясно всегда доказывал обратное?

Доротея. Сегодня вы мне доказали это и в самом деле ясно.

Герберт. А какое у меня было состояние, можете себе представить. Ваша загадочная и покрытая тайной поездка в Америку, с этим человеком. Нигде я не мог узнать о ней ничего определенного! А снова посетить дом вашего отца после того, чем там меня угостили, было просто невообразимо, Доротея. Своему брату я мог бы написать. Из-за него я не поплыл бы через океан. У меня было такое ощущение, будто я согрешил перед вами, Доротея. Мне не терпелось, как перелетной птице. Все казалось, что нужно что-то исправить и я вам очень и очень нужен. И вот теперь все, как на удивление, подтверждается.

Доротея. Если бы я так согрешила перед вами, как вы передо мной...

Герберт. Вы передо мной ничуть не согрешили. А если бы вы и согрешили передо мной, что все это по сравнению с тем, как перед вами... как перед вами согрешил ваш отец?

Доротея. Мой отец ужасно виноват передо мной.

Герберт. Да простит его бог и да ниспошлет ему со временем прощение!

Доротея. Да не простит его бог и да ниспошлет на него кару!

Герберт. Я понимаю вашу боль, Доротея.

Доротея. Я не прошу себе. Пусть кара постигнет и меня. Может, на ухо я тебе когда-нибудь и скажу, что еще в силах смягчить мою вину в твоих глазах. Герберт, я любила тебя! Я действительно тебя любила! Ты знаешь моего отца и каков он. В отношении женщин он ни в коем случае не мог бы принять монашеский обет. И как дитя своего отца я тоже, вероятно, не пошла бы в женский монастырь. Я любила тебя, Герберт, страстно. Мне хотелось броситься тебе на шею. Но ты был таким, что я не осмелилась. Довольно часто ты говорил мне, что ценишь во мне скромно-простое, сельски невинное пасторское дитя. Вот так оно и вышло... В момент неосторожности, буквально в одну минуту, у меня

отнято все человеком, которого я презираю. (*Поднимается и возбужденно ходит взад и вперед.*) Нет, мимо этого нельзя пройти. А потом есть вещи, совсем другие вещи, в которых повинен отец. Ликвидировать их еще труднее.

Герберт. Это предоставь мне. Решение зависит полностью от меня, дорогое мое дитя.

Доротея. Ты сам говоришь, что из-за меча откажешься от своей карьеры, чтобы, так сказать, избегнуть неприятных сюрпризов. К чему приведет, если ты, против своей склонности и бросив свою среду, снова возьмешь «Черный орел»?

Герберт. Это мне будет в высшей степени безразлично.

Доротея. Воспитатель мой стал моим же убийцей. — Ребенок! Страх перед ребенком! Причем я сознавала, что не могу родить ребенка от этого субъекта. Все мое тело, каждая клеточка, каждая капля крови восставала против. И не хватало только поездки за море, чтобы избавиться от хлопот в этом отношении. Так я была принесена в жертву ни за что.

Герберт. Доротея, успокойся! Пожалуй, будет лучше для нас обоих, если мы вернемся к моей пресловутой профессорской педантичности. Что бы там ни случилось, я обо всем уже переговорил с Губертом: мы снимаем с тебя — и прежде всего совершенное над тобой насилие снимает с тебя — всякую ответственность.

Доротея. А я сама? Если я никогда не избавлюсь от зловония помоев, от смрада сточных канав? Если я йзо дня в день, из года в год, день и ночь должна отмываться, не избавляясь от него, не избавляясь от омерзительного, насквозь пропитывающего запаха сивухи, пота, бульдогов, бокса и крови? Имеешь ли ты хоть малейшее представление, как невыразимо страшно я запачкана, как подло, как бесчеловечно и зверски лишена чести и человеческого достоинства? Поверь, я еще сойду с ума! Что тебе с того, если я — а это неизбежно — вскарабкаюсь на проклятую крышу и в один прекрасный день тебе придется подобрать свою жену на каменном дворе гостиницы с разможенным черепом? О, почему вы не дали мне в метель уснуть на ули-

це!.. И все-таки, и все-таки, Герберт, мне не хочется сказать — нет! Мне не хочется оттолкнуть руку, которую ты мне протягиваешь, оттолкнуть от себя чудесное провидение, руку господя, которая появилась почти зримо... — Мне бы чуточку уверенности и надежды, одну лишь капельку уверенности и надежды! Этому как-то не верится, такому повороту, который все-таки наступил. — А потом я наверняка отрываю тебя от новой связи. Та, что несравнима со мной, получит от тебя убийственный отказ! Ее письма ты носишь в своем кармане!.. Но что я могу поделать? Что я могу поделать? Я люблю тебя! На сверхчеловеческое великодушие я не способна. Так возьми же меня! Делай со мной что хочешь! Ведь это ты нашел меня и поднял на улице как предмет, без сознания и воли. Я люблю тебя и, пожалуй, еще брошусь тебе на шею! Не отпущу тебя ни на миг, Герберт! Ты будешь крепко меня держать и чистить, чистить! Любовь, как говорится, на все надеется, во все верит, все претерпевает!

Они обнимаются, осыпая друг друга пылкими поцелуями; Доротея вся в слезах.

Да-да, ну вот и хорошо! Уверенность снова ожила. Под ногами я снова ощутила почву... Спасибо, любимый! Навечно!

Проникнутые сердечным единством, оба садятся на диван. С улицы входит Губерт.

Губерт. Ну, пока все идет нормально. Та же «Августа Виктория». Гобокен она покидает двадцать седьмого февраля и собирается прибыть в Куксгафен шестого или седьмого марта. Мне хотелось бы, дети, чтобы все мы уже находились там!

Герберт. И сегодня мы сделали решительный шаг вперед, Губерт. Мы оба единое целое! Только смерть разлучит нас!

Губерт. Этого я и ожидал. милый Герберт, милая Доротея! *(Пожимает обоим руки.)* Ну, а теперь мне хотелось бы решить с тобой один деловой вопрос, мой милый. Что если мы покончим с ним сейчас же?

Доротея. А я пока пойду к Леоноре.

Доротея и Герберт обнимаются и целуются. Кажется, будто они прощаются надолго. У двери Доротея оборачивается, и снова повторяется та же игра.

Губерт. Ну-ну, вы прощаетесь, словно вас ждет десятилетняя разлука. Всего лишь на миг.

Доротея уходит.

Герберт. Лишь теперь, две минуты тому назад, Губерт, я стал человеком! Человеком, чье существование приобрело смысл, цену.

Губерт. Все это очень хорошо, только бы остальное завершилось подобным же образом.

Герберт. А что тебя смущает?

Губерт. Мы уже частенько говаривали об этом. Один пункт, на важность которого нельзя закрывать глаза, и особенно в данный момент, когда вы оба — «единое целое».

Герберт. Да, теперь мы единое целое.

Губерт. Но у Доротеи есть муж. И потолковать с этим человеком начистоту здесь же, в Америке, означало бы не усложнить будущего.

Герберт. Да, но кто знает, в какой тюремной камере отыскать этого малого!

Губерт. Свыкнись с мыслью, что в любой момент ты можешь столкнуться с ним с глазу на глаз.

Герберт (*бледнеет, хватая Губерта за запястье*). Негодяй вынырнул? Он здесь, в Меридене?

Губерт. Негодяй вынырнул и находится здесь, в Меридене. Если ты подойдешь вот сюда, к окну, увидишь, что его дружок караулит на той стороне улицы.

Герберт. Вон тот парень? Черт побери!

Губерт. Я полагаю, это дельце будет стоить денег. Такова же точка зрения и нашего юриста из Нью-Йорка.

Герберт. И этот человек имеет наглость появляться здесь! Что ему здесь надо? Ты знаешь?

Губерт. Что ему надо? Конечно, его жену! Он уже расспрашивал о ней по всему городу.

Герберт. Очень просто, об этом надо сообщить в полицию.

Губерт. Нет, это не то. Я против. Его можно бы упрятать по одному показанию Доротеи, но при решимости парня это могло бы стать роковым для нее самой.

Герберт. Нет! Ни в коем случае нельзя ставить полицию в известность!

Губерт. Жаль, что нет на месте нашего юриста: он тертый калач!

Герберт. Через сорок минут отходит поезд, мы могли бы с Марио отправиться в Нью-Йорк. Но устою ли я перед этим каналей, чтобы не кинуться на него?!

Губерт. Не узнаю тебя, Герберт. Вот сейчас-то и нужна твоя флегма, сын мой. Все пропало, если ты не противопоставишь этому парню хладнокровие, хитрость и по возможности напускную любезность. Я же при случае сыграю на других струнах! К сожалению, личная встреча между ним и Доротеей неизбежна, тот малый все еще на улице. Во всяком случае, я просил Леонору, как только возможно, отвлекать и удерживать Доротею.

Герберт. Ты полагаешь, он осмелится явиться сюда?

Губерт. Уже осмелился. Не думай, что он какой-нибудь подмастерье с живодерни. И Готгольд, сын мой Готгольд, идет с ним по улице рука об руку и очень доволен, — я убедился в этом собственными глазами.

Герберт. Ну да. Конечно, это и есть тот самый Марио! Ведь он — я об этом уже почти забыл — года три или четыре работал у нас дома. Он был, помнится, весьма работающим, а иногда и забавным. Перед его юмором порой не могла устоять даже магушка!

Губерт. Ну что, попробуем от него избавиться? Или сразу приступим к переговорам?

Герберт. О чем возможно, переговорим. А завтра возьмем его с собой в Нью-Йорк и у нотариуса приведем все в надлежащий вид.

Губерт. Итак, хладнокровие, мой мальчик! Он на пороге!

В двери появляется Марио в сопровождении Готгольда. Марио высоко засучивает правый рукав и показывает Готгольду голубую татуировку на коже.

Готгольд. Все это вам накололи кончиком иглы, Марио?

Марио. К моему величайшему удовольствию, разумеется.

Готгольд. А что здесь изображено?

Марио. То, что делают друг с другом куры, утки, гуси, овцы, козы, а иногда и люди.

Губерт (*в порыве запальчивости, меняясь в лице*). Исчезни, Готгольд! Без гримас, Готгольд! Сейчас же убирайся вон!

Готгольд молниеносно исчезает.

Марио. Всегда я говорю: дружище, не гневись! Какой от того мальчику вред, если ему покажут нечто вполне естественное?

Губерт. Это дело мое! Я его отец! Будьте добры, закройте свою варварскую татуировку, Марио!

Марио (*нагло*). Спасибо за науку, Губерт! — А-а, ага, господин профессор Пфаншмидт! Очень приятно! Старые знакомые, господин профессор! С нижайшим поклоном позволю себе напомнить: вашего высокочтимого папеньки и вашей высокочтимой маменьки бывший шеф-повар! Имел также частенько возможность приветствовать ученейшего господина профессора и восхищаться им. При случае также приготовить омлет с белыми грибами, который ваша милость охотно едали, рябчика или вальдшнепа с обязательным птичьим пометом. Извините меня за разговорчивость. Убивая время, я опрокинул стаканчик виски в Унион-баре.

Губерт. Вы являетесь уже во второй раз. Не могли бы вы, и поконкретнее, изложить причину вашего прихода?

Марио. Для этого, собственно, я и поднабрался мужества в баре.

Губерт. Не стоило, мы не канибалы.

Марио. Судя по тону, с каким вы на меня накинулись в первый раз, похоже на это. Но теперь у меня такое ощущение, что вы ударите по другим струнам. Я тоже — и это вы скоро заметите — ударю по другим струнам. Я порешил это в баре.

Герберт. Не знаю, о чем с вами беседовал мой брат. Мы, как вам известно, несколько различны по темпераменту... Вам, с тех пор как вы меня знаете, едва ли приходилось обнаружить за мной проявления запальчивости.

Марио. Да. Ваше спокойствие порой раздражало до бешенства.

Герберт. Возможно. Это дело восприятия. А сегодня — это и вам ясно — нам в состоянии помочь только крайнее спокойствие.

Марио. Что ж, господа, посмотрим.

Губерт. Так в чем же, собственно, дело?

Марио. Вам должно быть известно, в чем. Чего вы от этого ждете. В чем дело у меня, это я как-нибудь знаю.

Герберт. Так скажите нам, пожалуйста, что вы знаете и чего вы хотите!

Марио. Очень просто: я знаю, что здесь моя жена! И хочу... да, что я хочу? — хочу забрать ее!

Продолжительное молчание.

Герберт. Я готов на возмещение, господин Марио.

Марио. Разве я вам что должен, господин профессор?

Герберт. Вы мне как раз ничего не должны, нет.

Марио. Вот и славненько, и вы мне ничего не должны. Значит, возмещать тут нечего. О каких возмещениях может идти речь у двух людей, которые ничего не должны друг другу?

Герберт. Господин Марио, вы не понимаете меня. Или, вернее, не хотите понять.

Марио. Тогда будьте добры, выражайтесь пояснее.

Губерт. Не будем долго бродить, как кошки вокруг горячей каши!

Герберт. Позволь, я только закончу. — Взываю к вашему благоразумию, к вашей человечности, госпо-

дин Марио. Не будем напрасно поднимать то, что нам обоим достаточно известно! Предадим это забвению! Жестокость пастора Ангермана, скажем прямо, толкнула на ложный путь троих: фрау Доротею, вас и не менее самого меня. Неужели мы не исправим это для нашей общей пользы?

Марио. Вот это метод подхода к щекотливой истории и, во всяком случае (*обращаясь к Губерту*), перспективнее вашего.

Губерт. Перспективнее или нет, дело моего брата — его дело. Я никогда не стану обходиться с вами иначе, как того заслуживают подобные вам. Что сделал для вас мой отец! Вы были завшивленный, отошавший болван, он подобрал вас на улице и обучил хоть чему-то порядочному! А как вы проявили свою благодарность? Впрочем, у людей... молодчиков вашего пошиба... отсутствует всякая мера благодарности.

Марио. В чем же моя неблагодарность?

Губерт. Вы знали, что было между моим братом и Доротеей Ангерман, и все-таки не поступились и разрушили, уничтожили счастье его жизни — его, сына вашего хозяина и покровителя! — и проделали это с бесподобным цинизмом.

Марио. Ого! В подобных вещах я тоже всего лишь человек. Не святой, воистину так! Даже выбрей я ради шутки тонзуру. А впрочем, она была совершеннолетней. Всегда нужны двое для подобных вещей!

Герберт. Губерт, оставь! Мне тяжело это сносить! Не будем поднимать этого дела.

Марио. Мне, впрочем, неизвестно, чтобы по отношению к своему старенькому отцу вы были образцом благодарности: скорее наоборот. Мой предшественник по кухне рассказывал мне чудеса о том, как скандалили сынок с папенькой. А раз прибежала на кухню ваша мать, вся всклокоченная и потерявшая всякий рассудок. В неистовстве она схватила кухонный нож, и его пришлось отнять, не то бы она покончила с собой — и, конечно, из-за вас!

Герберт. Ради бога, не волнуйся, Губерт! Ты же сам говорил, как надо вести все эти переговоры.

Губерт. Но этот молодчик не должен забывать,

что мне известно о нем несколько больше, чем он полагает, и что одной ногой он стоит там, где ему чертовски мало понравилось бы стоять двумя.

Марио. И Доротея, слава богу, рядом со мной! Так вы решили со мной финтить и этим думаете задеть меня за живое, — мало каши ели. — А вы в свой блокнот запишите: «Работая на мое будущее, брат мой Губерт наломал дров, которых не убрать и тридцати тысячам ангелов и посланцев бога в десять лет!»

Губерт. Прошу вас не молоть чепухи! Денег захотели, вот в чем загвоздка!

Марио. Ах вот оно что? Денег захотел? Посмотрим!

Герберт. Я отрекаюсь от всего, милый Губерт, что ты высказал господину Марио. — Поговорим как равные! Исправим в нашей жизни все, что было в ней явно ошибочного! Вы не любили Доротею, вы совсем не думали жениться на ней. Вас насильно свели с нею. Покроем полой христианской любви то, что тогда произошло. Вы попали в беду...

Губерт. Он промотал пятнадцать-двадцать тысяч приданого Доротеи.

Марио. А чего только вы не промотали? Разве не умирали вы с голоду перед самым приездом вашего брата? Об этом знает весь городишко.

Герберт. Не слушайте моего брата! Скажите мне, только мне, возможна ли расплата или какое-нибудь перемирие! С каким условием вы отпустите Доротею?

Марио. Ни с каким не отпущу!

Герберт. Вы не хотите отпустить Доротею?

Марио. Ни за что! Поблагодарите за это вашего брата Губерта.

Герберт. Губерт, не оставишь ли ты нас наедине? (К Марио.) Во всяком случае, вы имеете дело только со мной. Вспомните, какую преданность вы всегда выказывали моим родителям. Не забывайте, что мы соотечественники! Мне хочется, чтобы вы были рассудительны и пошли бы на урегулирование дела — это одновременно явилось бы исправлением судьбы. Вы не прогадаете. Я готов на любую жертву. Даже самую значительную.

Марио. Не собираетесь же вы купить у меня мою жену?

Герберт. Мой брат имел в виду всего лишь деньги за причиненную боль.

Марио. А что если я разглашу это дело?! Только здесь, в Америке, разглашу: господин профессор Пфаншмидт из Германии предлагает мне деньги за мою жену и вопреки этому воображает, что морально превосходит меня, отклонившего эту грязную сделку.

Губерт. Долго вы еще собираетесь нести эту оклеветку?

Герберт (*все более теряя над собой власть*). Скоро ли дойдет до вас, какая решимость вам противостоит? Не может быть и речи о том — это говорю вам я, чтобы вы когда-нибудь снова обесчестили эту женщину; чтобы вы когда-нибудь снова согрешили перед ней!

Марио. А я вам говорю, что Доротею вам никогда у меня не отнять!

Герберт. Вы еще не знаете меня, вы не знаете, кто и каков я! Если вы не дадите свободу этой несчастной, то я, я, степенный человек и профессор, оставлю от вас мокрое место!

Марио. Если вы кого хотите застрашать подобными речами, так поищите другого!

Герберт. Именно вас, вас я и искал!

Марио. Вы никак из общества по спасению падших девиц? Этим меня не усмиришь. А дело-то, скажу вам, обстоит так: у вас просто была недозволенная связь с женой другого!

Герберт хватая Марио за горло и трясет его. Губерт кидается на него с поднятой палкой. Несколько раз Марио ударяется затылком об стену. В комнату врывается Доротея, за ней следует
Леонора.

Доротея. Что случилось? Что здесь происходит?

Герберт и Губерт оставляют Марио. Последний старается привести в порядок разорванную одежду.

Марио. Ты здесь? Ну и в притон же я попал! Славненький выискался тебе вертеп!

Доротея. Откуда ты вдруг взялся, Марио?

Марио. Вот-вот, и я у тебя хотел спросить то же самое. Может, и ты нападешь на меня, как напали оба твои брата-сутенера?

Губерт (*силой сдерживая Герберта*). Теперь я призываю тебя к спокойствию, дабы не получилось смертоубийства!

Доротея. Что тебе сделали, Марио?

Марио. Старая потаскуха, ты что из себя корчишь! Будто не заодно с ними! Да, не выбратся мне отсюда живым!

Герберт и Губерт снова бросаются к нему.

Доротея (*защищая, загораживает его*). Не прикасайтесь к нему! Или прежде покончите со мной!

Леонора. Успокойся, Губерт! — Успокойся, Герберт!

Марио. Не из-за тебя ли я все это заслужил, Дора? Стоило лишь кому покоситься на тебя, как он тут же рвал когти, если не хотел получить в брюхо полдюжины ножей! И ты даешь этой сволоте набрасываться на меня!

Доротея. Нет! Не думай так обо мне, Марио!

Марио. Что я сделал тебе дурного? Я ничего не хотел, только идти вперед. Я просто хвастал! При чем тут я, если эти американцы сильнее нас! Они выпили нашу кровь и забрали силы! Я играл, ну и продул деньги! А почему? Потому, что хотел выиграть! Я тебе сто раз говорил: будут у нас деньги, вернемся в Германию, а там основательно промоем глазки папеньке пастору. И вдруг ты удираешь от меня и оставляешь одного, предаешь меня и живешь с другим?!

Доротея. Это неправда, ты бросил меня, прогнал от себя кулаками, Марио! Ты ушел и не вернулся! Неделями я бродила, голодная и холодная, по переулкам китайского квартала, ночи проводила в полицейском участке.

Марио. А я искал тебя и не мог найти. Как иголку искал. При чем тут я, если Нью-Йорк так велик и людей в нем так много?!

Доротея. Да, ты тут ни при чем, Марио.

Марио. Спроси Карла, спроси Эдуарда, спроси Зеленого Эмилия, я был скорее мертвец, чем живой! Несколько раз они едва удержали меня от самоубийства!

Доротея. Тебя я знаю и верю тебе! Кому же, как не мне, знать лучше? В душе ты не злой. Иногда я даже удивлялась, насколько ты хороший.— Однажды, когда у меня снесло ветром зонтик, он прыгнул через барьер в Гудзон!

Губерт. Но, моя дорогая и со всем почтением уважаемая фрау Доротея, покорнейше осмелюсь заметить, если ваше мнение таково...

Герберт. ...То мы весьма неделикатны, и не лучше ли нам оставить вас наедине?

Доротея (*очень спокойно и твердо*). В данный момент в этом нет никакой необходимости! Но, так или иначе, не следует забывать, что перед вами не случайный прохожий, а мой супруг. Если вы наброситесь на него и учините насилие, то пусть удары ваши обрушатся и на меня!

Герберт. Так ты все еще чувствуешь с ним такое единство?

Доротея. Этого не изменишь, это факт!

Герберт. Так что мне — снова вступить в конкуренцию? Нет, это уж слишком! С меня довольно!

Марио. Ваше высокомерие нам давно знакомо, господин профессор. В «Черном орле» не было служащего, который бы не знал, что вы смотрите на него только свысока!

Герберт. Может быть, не отрицаю.

Губерт. Ну вот, кажется, и спокойствие водворилось.

Герберт. Это была своего рода гроза, очистившая атмосферу.

Губерт. А Доротея? Что она думает об этом?

Доротея. Сама не знаю, что и думать о тех странных штуках, которые творятся с нами, людьми. Во всяком случае, мне стало ясно, о чем я некоторое время забывала, — словно волей providения мне стало ясно, — какой путь для меня единственно возможен! В ваш мир мне больше не вернуться!

Герберт. Я сам думаю об этом с ужасом, милая Доротея!

Губерт (*с горечью*). Что может человек против providения!

Доротея. Ты огорошен и, более того, обижен и к тому же оскорблен, Герберт. Испытания, насилия и муки, которые ты претерпел, мне известны. Ты переборол невообразимое. Не осуди меня ложно, славный Герберт! Ты все считаешь меня личностью, а ведь я только связка взбудораженных низменных инстинктов, клубок нервов и — я просто не могу выразиться иначе — и жгучей жажды уничтожения.

Герберт (*печально засмеявшись*). Хорошие слова ты подыскала! Хорошие слова для вещи, которая гнусна.

Доротея. А что такое гнусный и хороший, мой славный Герберт? Ты мог бы назвать это — дикий и ручной. Запахи там, внизу, не из лучших; слова и поступки часто циничны и омерзительны. Мир же верхний намного страшнее. В его климате процветает странное зябкое сладострастие в сорок градусов озноба. Вы подошли бы, пожалуй, к более остывшему земному шару, а мы, мы живем еще в то время, когда он был горячее, и в нас еще в какой-то степени кипит кровь!

Губерт. Одним словом: победа в этом странном побоище за вами, всемогущий и высокочтимый господин Марио!

Марио. Победа за мною, — ваша ирония меня не трогает. С женщинами просто надо уметь обращаться!

Губерт. Говорите так, а сами не умеете. Остается только выяснить, к какому решению придем мы все вместе и каждый в отдельности.

Доротея. Я, конечно, уеду с тобой в Нью-Йорк, Марио! (*Уходит на кухню, чтобы одеться.*)

Марио. Я не виноват, что так получилось. Могло быть иначе, будь вы немного порядочнее.

Губерт (*иронически*). Ого, дорогой Герберт, ты слышишь?

Марио (*цинично*). Лучше избавиться от женщины, чем взять на свою шею, если она, так сказать, немножечко...

Губерт (*как и прежде*). Ого! Еще не легче! Ничего, провернем это дельце попозже, через несколько годков.

Доротея (*одетая для улицы, возвращается из кухни*). Короче, Марио! (*Братьям.*) Я не щедра на благодарности. Какой-либо значительной собственностью не располагаю. Вы много сделали мне хорошего, вы вернули меня к жизни. К какой жизни, за это никто не в ответе! Забудь меня, Герберт! — И вы, Губерт, забудьте меня!

Леонора (*которая вошла вместе с ней, пытается остановить ее*). Доротея, не будь опрометчивой! Останься! Может, все еще уладится.

Доротея быстро и безмолвно выходит. Марио, колеблясь, не без смущения следует за ней. Леонора зажимает себе рот носовым платком и торопливо уходит в кухню. Губерт сидит и барабанит по столу. Герберт с деланным равнодушием медленно подходит к двери, за которой исчезла Доротея. Потом у него прорываются чувства, и он плачет, плачет.

Губерт. Герберт, выше голову! Выше голову, Герберт!

Герберт вздрагивает от беззвучных всхлипываний у него на груди.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Происходит через восемь месяцев после четвертого. Садик при небольшом земельном участке близ Гамбурга. Старые деревья, запущенные дорожки. Садик замыкается справа задней стеной небольшой дачи, одноэтажной и с мезонином. Перед дверью в дом каменная ступенька. Два окна по обе стороны двери.

Забор из планок тут же за домом замыкает участок. В этом заборе, ближе к дому, калитка. Этой частью он граничит с улицей, другой — со значительно большим соседним участком, где на веревках между столбами сушится белье. У одного корыта стирают молодые прачки.

Губерт Пфаншмидт сидит на скамье у стены дома под окнами, склонясь над книгой, которая лежит перед ним на продолговатом столе. В калитке появляется Готгольд со школьным ранцем.

Губерт. А что, о дяде Герберте ни слуху ни духу, Готгольд?

Готгольд. В поезде его не было.

Губерт. Н-да, к тому же он не один. Да и твой досточтимый воспитатель, могучий пастор Ангерман, не стал бы от тебя прятаться.

Готгольд. А я на Дамторском вокзале, прежде чем войти в вагон, несколько раз обежал поезд из конца в конец.

Леонора (*в кухонной одежде выходит из двери дома*). Ты, Готгольд! — Ну так приступим к еде!

Губерт. Может, вынесешь мне мою ложку супа. Комнатный воздух сжимает мне грудную клетку.

Готгольд. Я вынесу, папа.

Готгольд и Леонора исчезают в доме. За садовой калиткой появляется доктор Вейс. Он в соломенной шляпе, летнем пальто, с палкой и производит впечатление добропорядочного гражданина.

Губерт. Дверца открыта, только нажмите!

Доктор Вейс. Я лишь хотел поприветствовать вас. А потом мне хотелось бы осведомиться, как самочувствие нашей пациентки.

Губерт. Входите, входите смелей, доктор!

Доктор Вейс (*входя неуверенной походкой*). Позвольте, я сейчас же уйду. Я хотел бы осведомиться и о вашем самочувствии.

Губерт. Постепенно превращаюсь в воду, доктор. Мои ноги уже два полных бака. Ну, а что касается Доротеи...

Доктор Вейс. Вот это меня серьезно и беспокоит. Все время я спрашиваю себя, стоило ли мне, собственно, впутывать вас в это дело. Поспешность! Лучше бы я и не говорил вам об этом, а поместил бедняжку в одну из гамбургских больниц, пока не сообщили бы отцу о ее положении.

Губерт. Ах, знаете ли, мне думается, все, что ни свершается, имеет свой порядок. Иначе я себе и не представляю. Она здесь. Опять на моих глазах. И каждый последующий миг мне все больше кажется, что так и должно быть.

Доктор Вейс. Житейский океан выкинул ее на берег старой родины нагишом.

Губерт. Да, вот именно, если судить по вашему рассказу.

Доктор Вейс. Сначала я не мог вспомнить, где я ее встречал. Выглядела она ужасно. Никогда не забуду, как я испугался, когда она некоторое время таращила на меня отекшие глаза, пытаюсь выговорить мое имя, и наконец выговорила. Тут только я узнал, кто она, или, вернее, кем была. Ее отец еще не появился?

Губерт. Нет. Но я ожидаю его с минуты на минуту.

Доктор Вейс. Не странно ли? За день до того, как она попала мне в руки у Сан-Паули, мы старались угадать ее судьбу.

Губерт. Как быстро это бедное, милое существо попало под колеса!

Доктор Вейс. Кому суждено попасть, тот быстро попадает. Однако я тороплюсь домой, у меня ведь жена. Сама она всегда опаздывает, но очень злится, если опаздывает кто-нибудь другой, особенно к обеду. Пожалуйста, располагайте мной, если вам еще понадобится помощь!

Быстро прощаются. Как раз когда доктор Вейс закрывает за собой садовую калитку, из двери дома выходит Доротея, очень просто одетая и сильно изменившаяся.

Доротея (*несет две тарелки супа*). Я принесла сюда суп, господин Губерт. У меня было неодолимое желание похлебать суп рядом с вами, на вольном воздухе.

Губерт. Ну так идите сюда и присаживайтесь!

Доротея (*поставив тарелки на стол и усевшись с ложкой в руке*). Это доктор Вейс только что вышел за калитку?!

Губерт. Какой-то странный святой, вот кто!

Доротея. А для меня, вопреки всему, настоящий. Без его чудодейственного вмешательства я никогда бы не нашла вас. Вам это в тягость, для меня же явное счастье.

Губерт. Этот доктор Вейс поселился здесь полгода назад. У него вилла с садиком, «Лесная благодать». Великий пчеловод, выращивает и розы. Вот мед в сотах, этот скромник принес его для вас. Между прочим, предпочитает полное уединение. Недели три тому назад мы разговорились. И что же выяснилось буквально в десять минут? Он знал Герберта, он знал вас, пастора Ангермана, многое слышал о моих родителях, знал обо мне и моих злосчастьях в Америке, но мялся с ответом при вопросах «как» и «почему». И вообще он очень боязлив. Прежде чем войдет в сад, его надо раза два-три пригласить.

Доротея. Я, пожалуй, объясню вам причину. (*Насмешливо.*) Ах, милый Губерт, как мне не везло с поклонниками.

Губерт. Неужели и доктор Вейс был вашим поклонником?

Доротея (*начиная смеяться*). Он мог стать моим мужем прямо из тюрьмы.

Губерт. То есть как — прямо из тюрьмы, Доротея?

Доротея. Он подделал вексель и за это сидел. Когда он был служащим в нашем доме, мальчиком на посылках, он признался мне в любви. К сожалению, тогда во мне говорила спесь. Восседала бы я теперь на вилле «Лесная благодать», ела бы мед из бог знает скольких ульев безраздельно, одна, или напекла бы себе нюрнбергских пряничков сколько душе угодно... Тако бывает, когда ослеплен... И все же нет во мне раскаяния.

Губерт. Таких странностей я не встречал еще ни в одной женщине!

Доротея (*убежденно*). Да, во мне довольно много странностей, это верно.

Губерт (*о чем-то вспоминая*). Черт возьми, да еще каких!

Доротея. Таких странностей, как у меня, поискать!.. Но о чем вы подумали, говоря это?

Губерт. Я подумал о вашем согласии и несогласии. Сало поджарено и положено. Но беда, если схватит его Полкан, не миновать ему кровавого поноса. Вспомните, к примеру, Мериден. Двух болванов, моего брата и меня, вы из-за своих странностей поставили тогда в нелепейшее положение.

Доротея. Ах, если бы вы знали... Ведь в тот момент, когда мы с вами расстались, я мысленно подписала два смертных приговора. Я жива только потому, что исполнение моего — замедлено.

Губерт. Я умру, к вам же снова вернется здоровье.

Доротея. Во мне есть странности другого рода. Если бы раньше мне кто-либо сказал: погоди, ты будешь такой странной — я никогда бы не поверила, бог свидетель. (*Ее смех переходит в плач.*)

Губерт (*нежно кладет ей на руку свою руку*). Взгляните на меня, Доротея! Я спрашиваю: в ответе ли

мы за то, что с нами случается? Можно было избежать этого или нельзя? Нет, мы не в ответе. Случай, иные называют его провидением, — вот что в ответе. Это заставляет по крайней мере не думать о виновности. Мой организм слишком рано подвергся потрясениям. И виной в том случаи. Был я шалопаем, не лучше и не хуже других. Имел некоторые склонности. Ну, а почему бы и нет? Вдруг появляется в наших краях известная «девушка с чужбины». «Родилась она не в долине, никто не знал, откуда она». Но когда девушка ушла, след ее остался, довольно заметный след, у семи или восьми молодых людей. Две минуты — и я лишился трети своей жизни. Что поделаешь! Мы должны смириться.

Доротея (*подражая воркотне голубя*). Гурруку! Гурруку! (*Смеется подавленно и принужденно.*)

Губерт. Да-да, так делают голуби, маленькие голубки только пищат. И все-таки очень похоже.

Доротея. Господин Губерт, вы знаете жену Герберта?

Губерт (*не без иронии*). Она ему очень подходит, как раз та, что нужно.

Доротея. Я не подошла бы Герберту. Мы с вами лучше бы подошли друг другу, Губерт!

Губерт. Я польщен!.. То есть как, что вы имеете в виду?

Доротея. Помните «девушку с чужбины»? История с ней разыгралась — я почти уверена — на крыше голубятни.

Губерт. Ого! Черт побери! Как вы проникательны!

Доротея. Будь я, к примеру, господом богом: и почему так не сделал отец небесный? Если бы вы на крыше встретили, ну, скажем, меня, а я вас вместо Марио, мы благополучно сидели бы нынче рядышком, но совершенно здоровые и при иных обстоятельствах, чем те, в которых мы оказались.

Губерт. Вполне возможно, фрау Доротея.

Доротея. Ах, мне бы стакан рому, большой и полный!

Губерт. Врач запрещает. По мне, пейте сколько влезет, Доротея.

Доротея. Но ведь морфий они впрыскивают.

А прогос¹ Morphium!.. Morphium!.. Morphium!.. А знаете ли вы, что мой муж... Да, конечно, знаете, что Марио, мой муж... уснул под морфием?

Губерт. Да, некоторые засыпают под морфием.

Доротея. Нет, уснул навсегда. Вам можно рассказать все, Губерт. Вы понимаете людей и не осудите. Вы подвели итог своей жизни. От Герберта я все утаивала. Подумайте, Губерт: мне самой неясно, уж не я ли убила Марио в порыве гнева на него и на судьбу!

Губерт. Тогда бы вы стали убийцей.

Доротея. Я и сама думаю: тогда бы я стала убийцей. (*Разражается смехом.*) У, какую вы опять корчите физиономию!

Губерт. Так, значит, негодяй умер, в этом вы уверены?

Доротея. В самом ли деле он негодяй?

Губерт. Вам это лучше знать.

Доротея. Он выгонял меня на улицу зарабатывать ему доллары. Когда у меня не бывало денег, он не печалился обо мне. А заводилось у меня сколько-нибудь в кармане, он тут же появлялся и выкрадывал последний грош.

Губерт. В этом все его преступление?

Доротея. Раза два он бывал на большой рыбной ловле, как он выражался. Если бы его сцапали, не миновать бы ему электрического стула. Иногда он называл себя анархистом. И так как любая собственность — кража, то украденное должно вернуть силой.

Появляется Леонора, в руках у нее две тарелки с жарким.

Леонора. Вот вы где? Жареная телятина с картофелем, вы любите?

Губерт. Мы любим все, что съедобно. Нам здесь приятно, Леонора. Доротея рассказывает такие страхи.

Леонора (*ставит тарелки, которые принесла, и забирает суповые тарелки и ложки*). Да, вы подобрались как по заказу. Целый день ноют и ноют.

Доротея. Ужасно, что я вам в тягость. Но это ненадолго.

---

¹ Кстати... (*Франц.*)

Леонора. Да, потому что ты станешь здоровой и вернешься к отцу в Лигниц.

Доротея. Я бы охотно взглянула разок на отца. Но вернуться к нему — ни за что!

Леонора. Врач говорит, что ты обязательно выздоровеешь.

Доротея. Нет, никогда мне не выздороветь. На всякий случай я припасла порошочек. Все, в конечном счете, сводится к тому, чтобы осуществить некоторые тягостные желания и освободиться от мук. Но даже если отец не соизволит явиться и, таким образом, желания не осуществляются — конец один. *(Она встает, чтобы пойти в дом отдохнуть.)* Единственно, что мне еще доставляет некоторое удовольствие, так это поразмыслить о своей судьбе. Даже если бы я не кашляла и не харкала кровью и все мои органы были здоровы, все равно я не смогла бы жить. Вся атмосфера, все условия этой земли не для меня. Израсходовано, израсходовано все, до последнего, чем она была для меня *in petto*¹. *(Медленно уходит в дом.)*

Губерт. Она просто ходячая загадка, эта Доротея.

Леонора. Будь с ней поосторожнее, Губерт!

Губерт. Поосторожнее? То есть как, Леонора?

Леонора. Такая больная, измученная, а думает, что все еще неотразима.

Губерт. Ого! И здесь ревность! Существует ли то, к чему не ревнует ревность? Доротея и я породнились, оба — увы! — здорово влипли. Ревность и к этому ревнует!

Раздается звонок у калитки.

(Поднимается.) Черт возьми! У садовой калитки три джентльмена! Словно комиссия из суда!

Появляются профессор Герберт Пфаншмидт и пастор Ангерман в дорожных костюмах, их сопровождает доктор Вейс.

Доктор Вейс. Вот мы и пришли. Честь имею кланяться, господин пастор.

---

¹ В груди, в душе. *(Итал.)*

Пастор. Мне было весьма приятно уличезреть вас. И так, у вас все благополучно.

Доктор Вейс. Намного лучше, чем я того заслуживаю.

Герберт. Спасибо, спасибо за помощь, господин доктор.

Доктор Вейс еще раз на ходу прощается и быстро исчезает.

(Подойдя к Губерту, молча обнимает его, потом говорит сдержанным тоном.) Вот мы и прибыли, Губерт.

Губерт. Если не ошибаюсь, господин пастор Ангерман?

Пастор *(очень весело)*. Так точно, он самый. Тесен этот мир. Только что повстречался со своим бывшим подопечным, ныне освобожденным арестантом. Судя по всему, что я слышал и что он рассказал, живется ему значительно лучше чем мне. Он в свое удовольствие живет на собственные деньги, а мне надо зарабатывать тяжким трудом, так сказать, в поте лица своего. Простите меня за это небольшое рассуждение вслух о себе. Неисповедимы пути господни, тут уж ничего не поделаешь. А вы здесь живете просто идиллически!

Губерт. Вплоть до прачечной рядом.

Пастор. И все-таки ни к чему не придерешься. *(Удовлетворенно оглядывает молодых прачек с оголенными руками, развешивающих на веревках белье.)* Чем плох вид грубовато крепкой прачки? Впрочем, и проехали мы весьма недурственно, господин Пфаншмидт. При этом я узнал, что ваш почтенный брат тоже не из святых, как это подчас кажется. Ваша уважаемая супруга, не так ли?

Губерт. Моя жена Леонора. Что она моя жена, так же верно, как и то, что она Леонора. Говорится и пишется: Леонора! «Леонора простилась на заре...». Л — как Людвиг, Е — как Елена et cetera¹.

Пастор. А вы шутник, это я люблю. — Ах, сударыня, мир так прекрасен! Из Лигница я не выезжал годами. Одна только железная дорога до Берлина! Потом Берлин, липы, военные! Мы позавтракали, как боги.

---

¹ И так далее. *(Лат.)*

Вчера вечером прибыли в Гамбург. На пароходе по Альстеру! Я сделал — а сколько огней! — еще одну прогулку! (*Профессору.*) Да, кстати о Фрици Дрёге, которая тогда училась стряпать в «Черном орле». Ей в этом, право, не было нужды: сердцеедка, плутовка, бог тому свидетель! Через восемь дней она выходит за одного сенатора. Не говорите, где мы были, профессор. Побывать в Гамбурге и не отведать омаров и устриц — в этом ли заподозрить грешника вроде меня?

Леонора. Эта поездка, судя по всему, вам доставила удовольствие?

Пастор. Да, величайшее, во всех отношениях. Так чувствует себя заключенный, перед которым неожиданно отворилась тюремная дверь.

Из дома выходят Готгольд и его сестры.

Готгольд! Помилуй! Мальчик, как ты поживаешь? Чуть не забыл тебя.

Готгольд. Я уже перешел в младшее отделение шестого класса.

Пастор. Bravo, Готгольд! Так и продолжай, сын мой! О, целых полдюжины девочек! (*Гладит девочек по голове.*) А уж в этом я разбираюсь. Мог бы даже отказаться от своего поста.

В дверях появляется Доротея.

(*Запинается, потом отрезвленно.*) Ах, верно! И ты, Доротея! И ты здесь!

Доротея равнодушно и спокойно подходит и склоняется головой ему на плечо.

(*Деловито.*) Ну вот, будь милой! Теперь ты вдова, успокойся! Вот ты и стала вдовой! Как ни тяжка доля, божья воля, Дора. Придет время, снова все переменится. Тяжело он умирал? Но не будем растревлять нашу рану! Как говорит мудрец? Все в свое время. Как-нибудь в тишине и спокойствии выложишь мне, что у тебя на душе... Попприветствуй же и профессора Пфаншмидта, Дора!

Герберт (*берет ее протянутую руку*). С возвращением на родину, милая Доротея!

Доротея (*многозначительно*). Одно слово, Герберт, как приятно слышать его! Для меня в нем особенно глубокий смысл.

Пастор. Ты много пережила, Доротея. Я думал, ты выглядишь гораздо хуже. Ну посмотрим, как все сложится, а время, дорогое дитя, сделает остальное. А теперь не мешало бы привести себя в порядок.

Леонора. Готгольд, проводи господина пастора!
Готгольд, пастор и Леонора уходят в дом. Девочки отправляются к качелям.

Герберт (*Доротея, которая стоит неподвижно, словно окаменев*). Доротея, позволь предложить тебе руку.

Доротея (*пошатываясь, подходит к Губерту и падает в его объятия. Сухой хрип переходит во всхлипывание, потом в неудержимый плач. Успокоившись*). Ну, вот я могу и поплакать. А почему не могла на шее своего отца?

Губерт. Мы стали с ней друзьями, Герберт.

Доротея (*при помощи братьев садится у стола*). Удивительно, как все изменилось. Я просто теряюсь.

Герберт. То есть как? В каком смысле, милая Доротея?

Доротея. Знаешь, какое у меня ощущение? Будто некая бесчувственная сила, вроде волны, только что подхватила меня, такой же мертвый и бесчувственный предмет, и ударила о скалу.

Герберт. Я с полной уверенностью скажу, что ты заблуждаешься в своем отношении к отцу, Доротея!

Губерт. Это не то, что она думает, дорогое дитя.

Герберт. Твой отец настроен вполне примирительно.

Доротея. Вы-то, Губерт, знаете, что я имела в виду. Сама жизнь — зверство. Страдания — их требует судьба! Настоящему отцу это известно; он не знает, чем угостить вернувшегося блудного сына! К сожалению, так бывает только в книгах. В жизни на это не хватает времени. Никого совершенно не трогает, ест ли заблудшее дитя выжимки для свиней, или его самого пожирают свиньи, воротится оно или нет. Это мне еще

предстоит познать, ибо вся эта горькая истина до сих пор была мне неизвестна! (*Кладет руки на стол, опускает на них голову и молча замирает в таком положении.*)

Губерт (*делает знак Герберту на мгновение оставить Доротеею в покое, потом тихо отходит с ним несколько в сторону*). Ты чувствуешь пасторскую хватку, его обычный подход к делу? Слишком это по-немецки: каменное у него сердце.

Герберт (*пожимая плечами*). Быть может. Но далеко не во всех отношениях.

Губерт. Как там твоя жена?

Герберт. Спасибо, вселяет большие надежды.

Губерт. Что ты хочешь этим сказать?..

Герберт. Можешь поздравить.

Губерт. Что она там делает? Куда это она идет? (*Следует за Доротеей, которая поднялась и направляется в сад.*) Поверь мне, за ней нужен глаз да глаз.

Герберт. Известно ли тебе, что близость ее мне невыносима?

Губерт. По какой же причине, Герберт, невыносима?

Герберт. А по той, что ее лицо, прежде такое милое, приобрело ужасную печать... Что случилось с этой несчастной?

Губерт. Болезнь! Переезд в кубрике вместе со всяким сбродом! Нужда! Отчаяние! Она была пьяна, когда нашел ее Вейс. И все-таки тяга, неумная тяга к родной земле. Это потрясло меня до глубины души. Да и вид у нее не то чтобы отталкивал.

Герберт. Это было бы слишком.

Губерт. Я просто рад, что она у нас. Она не в тягость ни мне, ни Лоре. И, наконец, сам понимаешь, в отношении...

Герберт. Моя жена в этом тоже благоразумна.

Доротеея останавливается и глядит в их сторону.

Губерт. Вы что-то ищете?

Доротеея. Как раз напрстив!

Губерт. Что вы имеете в виду?

Доротея. Хоть ненадолго скрыться! (*Продолжает бродить между деревьями.*)

Губерт. Муки ее ни с чем не сравнимы, Герберт!

Герберт. И все же я никак ее не пойму.

Губерт. В каком отношении?

Герберт. Ну хотя бы *in puncto*¹ правдивости. Слишком уж она фантазирует. Например, о том, что она совершила проступок и ее насильно заставили выйти замуж, ее собственный отец, пастор, ничего не знает. А как она все это расписывала, только бы взвалить всю вину на отца!

Доротея (*неожиданно появляется перед Гербергом*). Я только что нашла четырехлистник! Для твоей жены! Возьми его с собой. И передай привет от Доротеи...

Герберт (*берет листок клевера и прячет в бумажник*). Это ее обрадует. Надо сохранить.

Доротея. ...и пусть он принесет ей счастье! (*Снова беспокойно бредет по саду.*)

Девочки (*поют у качелей*).

Кто взрастил тебя, зеленый лес,
Ты такой высокий и прекрасный?
Я хочу молитвой ежечасной
Воздавать хвалу творцу чудес!

Из дома выходит пастор Ангерман.

Пастор. Bravo, дети! Пойте! Недаром сказал поэт: «Там, где песнь, всегда найдешь приют, злые люди песен не поют!»

Прачки.

«Возьми-ка скалку да рубель,
Ты так силен и толст!
Ты не стыдись, ты не ленись,
А покатай-ка холст!»

Пастор. Вот он, сорняк, рядом с пшеницей.

Доротея пытается перелезть через забор к прачкам.

Но, Доротея, куда ты?

¹ С точки зрения, в отношении. (*Лат.*)

Доротея. К своим сестрам, прачкам, строгий мой отец!

Пастор. Но какие они тебе сестры, что ты!

Доротея (*отказывается от своего намерения*). В принципе ты, возможно, и прав, отец.

Пастор. Подойди ко мне и присядь!

Губерт. У нее сильно расстроены нервы, будьте с ней пообходительнее!

Пастор. Не бойтесь! Я знаю, как мне говорить со своим ребенком.

Губерт машет детям, те удаляются. Сам он рука об руку с Гербертом исчезает за углом дома. Доротея садится за стол против своего отца.

Ну, так расскажи мне, славная Доротея, как получилось, что в своей жизни ты претерпела такое печальное крушение.

Доротея. Ну как, омары в Гамбурге тебе понравились?

Пастор (*пропустив это мимо ушей*). Я ведь проявлял о тебе такую заботу. Но где ты пребывала, никто не ведает. Да и муж твой был толковым поваром и, в общем, толковым человеком.

Доротея. Прогулка с Фрици Дрёге тебе доставила удовольствие?

Пастор. При чем тут Фрици Дрёге, когда речь идет исключительно о тебе?!

Доротея. Как там моя маленькая маменька?

Пастор. Если ты под «маленькой маменькой» разумеешь мою дражайшую жену и половину, она здорова, благодарю за внимание. Мне хочется сказать тебе лишь одно: оцени свое положение правильно и не воображай, что твой проступок делает тебе честь, и заметь себе: на сделку с тобой я не пойду!

Доротея (*рассеянно*). Так-так, значит; не пойдешь?

Пастор. Знаешь, зачем я приехал?

Доротея. Я думаю, ради прогулки, ведь ты столь ко лет не выезжал из Лигница.

Пастор. Ты что, за дурака меня принимаешь? Да,

я сделал прогулку, и ты — весьма печальный повод к ней. И вот я здесь и сижу с тобой...

Доротея. ...на расстоянии в три тысячи миль, отец!

Пастор. Ах, не мели чистейшего, неприкрытого вздора, детка! Тебя приютили здесь славные люди. Оба эти брата, Герберт и Губерт, ведут себя просто образцово. Ты пишешь ему открытку, и Губерт встречает тебя с парохода, он ждет тебя у трапа...

Доротея. Это открыл тебе Герберт, отец?

Пастор. Дома ни метра лишнего. Девчушка спит в ванне. Значит, взять тебя домой я не могу. И все-таки я приехал, чтобы разобраться, в чем тут дело. И с Фрици Дрёге была у меня беседа. Так или иначе, ты будешь пристроена. Не валяй дурака и рассуждай разумно!

Доротея. Милый отец, ты не знаешь меня и не можешь быть для меня исповедником. Две в твоём доме двери — одна на пустынную улицу, другая во двор тюрьмы. Меня бы ты послал через вторую, будь твоя совесть чиста. Я говорю об этом не с сокрушением, а чтобы по крайней мере сбить твою спесь. Я сама убила человека и во многих подобных делах по меньшей мере свидетельница!

Пастор. Место тебе за решеткой, дитя мое, но, слава богу, лишь в доме для умалишенных!

Доротея. Нет-нет, отец, у меня есть свое место. Оно ждет меня.

Пастор. Послушай, если ты больна, если твои нервы расстроены, борись с этим, дитя мое! Ты можешь поставить в нелепое положение себя и опять-таки меня.

Доротея. Не бойся, я не разнесу о тебе славу!

Пастор. Разнесешь славу? Что это за мерзостные слова? А впрочем, разноси сколько тебе угодно. Вся моя жизнь как на ладони, можно осветить ее со всех сторон.

Доротея. Возможно; и все же ты убийца!

Пастор. Меня бросает в холодный пот, Доротея! Этого я не ожидал, ты потеряла рассудок!

Доротея. Значительно хуже, я уже мертва, отец! И ты — мой убийца!

Пастор. Ах вон оно что! Тяжкий камень свалился с моей груди.

Доротея. Ты нанес мне смертельный удар в тот день, когда принудил выйти за этого человека.

Пастор. Отчаяние, ошибки — и все из-за меня! Уж не засела ли у тебя в голове навязчивая идея о каком-нибудь преступлении и не опорочишь ли ты ни в чем не повинных людей? Да и самоуничтожению твоему я не верю. Клянусь всеми святыми, меня прошибает холодный пот, дитя мое. *(Дотрагивается до лба.)* Я не представлял себе, что ты в таком состоянии. Начинать надо с другого конца.

Доротея. Ты убрал меня со своего пути. Я мешала тебе, и ты убрал меня со своего пути, словно предмет. И вот я снова перед тобой. И тебе нужно убрать меня вторично, для этого ты и подыскиваешь тачку.

Пастор. Скажи-ка! Да это не что иное, как холодная и циничная дерзость. Ты научилась непочтительному и недопустимому по отношению к отцу тону в своих нью-йоркских кругах?

Доротея. Судьба мне навязала его. Она оставила мне один этот тон, изрезав, истерзав, изорвав все струны моей души. И вот, к моему собственному удивлению, я бы сказала — к ужасу, во мне задрожала эта струна. Не удивительно, если и у тебя то же ощущение.

Пастор. К чему весь этот разговор, Доротея? Так можно разглагольствовать до Страшного суда. Я чувствую, это не приведет нас к сближению. У меня по отношению к тебе определенный долг, а именно — по возможности приподнять тебя. Ты могла бы пройти курс воспитательниц детского сада, как только поправится твое здоровье.

Доротея. Теперь, ты полагаешь, я должна ухаживать за детишками? *(Лихорадочно смеется; глухо.)* Ты боишься угрызений совести, если убьешь свою собственную дочь?

Пастор. Я позову братьев Пфаншмидт, Доротея! Не знаю, что я стану делать и как поступлю, если ты решительно не пожелаешь и не сможешь отказаться от этого тона.

Доротея. Но все-таки скажи, не страшил ли тебя призрак этой малютки до... до преступления!

Пастор. Что? Ты никак хочешь судить меня?

Доротея. Нет. Это создало бы впечатление, будто вообще на земле есть правосудие!

Пастор. Громкие слова! То ты все говоришь о судьбе. Теперь сомневаешься в правосудии. Мне и всему миру ты бросаешь упреки. Хотя все дело можно выразить в нескольких словах, и весьма исчерпывающе. Сама заварила кашу — сама и расхлебывай! *(Вскакивает.)* Ну, а остальное потом выложу. Когда ты немного одумаешься. *(Оставляет Доротею у стола и, заложив руки за спину, заметно взволнованный, шагает в глубь сада.)*

Доротея сидит, не глядя вслед уходящему. Она обрывает лепестки у астр и, словно забыв обо всем окружающем, задумчиво смотрит на то, что делает.

Леонора *(появляется из дома)*. Совершенно одна, Доротея?

Доротея. Совершенно одна, Леонора! Совершенно одна! — совершенно одна! — совершенно одна! *(Руки ее на крышке стола замирают. Опускает на них голову.)*

Пастор *(снова появляется. Леоноре, которая с чайником подходит к колонке и накачивает его доверху)*. Дела моей дочери обстоят далеко не так, как я полагал.

Леонора *(холодно)*. Вы не представляли себе, что все это настолько плохо?

Пастор. В ближайшее время я весьма охотно переговорю об этом с вашим мужем.

Леонора. Она так радовалась свиданию. И это, естественно, на нее повлияло.

Губерт *(выходит из кустов, присоединяется к своей жене и пастору)*. Извините, я не могу без своего раскладного стула. *(Приносит раскладной стул и садится на него.)*

Пастор. Вот вам пример, какое бесконечное горе может повлечь за собой минутное легкомыслие.

Губерт. В этом я всей душой к вам присоединяюсь.

Пастор. Ваш брат! Только вообразите, только вообразите, что она натворила, ей все шуточки! Муж умер. За это бога надо благодарить. Впрочем, мне кажется,

наилучшим здесь будет добрый совет. Она потрясена, и, видно, не остается ничего иного, как доверить ее обществу учреждению.

Подходит профессор Пфаншмидт.

Мы здесь беседуем о Доротее, профессор!

Герберт. Она, кажется, спит. Нужно осторожно перенести ее в постель. Ну, как ваше впечатление, господин пастор?

Пастор. Сверх всяких ожиданий — прискорбное и неблагоприятное. Просто не знаешь, что и предпринять.

Герберт. И все-таки надо прийти к определенному решению; постоянный уход, постоянный врачебный надзор — вот что прежде всего необходимо. К сожалению, сегодня вечером я вынужден покинуть вас и с ночным поездом ехать в Бреславль. Жена телеграфировала мне, что завтра днем заседание у ректора.

Губерт. Это не так уж плохо. Я знаю Доротее, ее мы оставим у себя.

Пастор. Не может же это продолжаться вечно. Знаете что? Давайте вернемся в Гамбург. Я загляну в церковь святого Якоба к моему собрату по службе и школьному приятелю. Я уверен, он что-нибудь посоветует. В этом случае даю телеграмму.

Леонора (*приблизилась к Доротее и со странным выражением на лице отступает*). Мне кажется, что это уже лишнее, господин пастор.

Пастор. Что лишнее? Что вы имеете в виду?

Леонора. И сама не знаю, меня такой страх берет, господин пастор.

Губерт (*встает*). О, мой раскладной стульчик, не развались!

Пастор. Любезная фрау Пфаншмидт, чего вы испугались?

Губерт. Оставь, не пугайся, дорогое дитя, — она, пожалуй, поступила как должно!

Герберт. Но невозможно... невозможно, чтобы Доротее...

Губерт. А почему бы и нет? Всегда весьма возможно, если с кем-нибудь приключается смерть!

Все приблизились к Доротее.

Пастор (*дотрагивается до нее*). Я полагаю, что наступила смерть.

Леонора. Тсс! Тише! Ради бога, не говорите громко!

Пастор. Но как это могло случиться? Она ведь только что ясно и рассудительно со мной беседовала!

Герберт. Запечатанный конверт, адресован вам. (*Берет конверт со стола и передает пастору.*)

Пастор разрывает конверт, читает.

Губерт. Она ушла от нас так скромно, так незаметно.

Герберт. Нам, естественно, ни о чем не спрашивать, господин пастор?

Пастор (*неподвижно смотрит на письмо*). Да! Ради бога! Не спрашивайте!

З а н а в е с